

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ПЕТРА

Введение ко второму посланию Петра

Книга, которую игнорировали, и ее содержание

Второе послание Петра - книга, которой люди часто не уделяют должного внимания. Лишь немногие могут сказать, что внимательно читали его. Еще меньше людей детально изучали его. Английский богослов Е. Ф. Скотт говорит: "Оно во всех отношениях уступает Первому посланию Петра..." и далее: "Это самая незначительная книга в Новом Завете". Второе послание Петра лишь с большим трудом было включено в Новый Завет и в течение долгих лет христианская Церковь, казалось, ничего не знала о его существовании. Но, прежде чем обратиться к его истории, рассмотрим в общем его содержание.

Люди, не знающие закона

Второе послание Петра было написано для борьбы с верованиями и деятельностью определенной категории людей, представлявших угрозу Церкви. Послание начинается утверждением, что христианин - это человек, который избежал растления похотью (1,4) и должен помнить, что очищен от прежних грехов (1,9). На него возложено обязательство быть образцом добродетели, которая приведет его к христианской любви - венцу всех христианских достоинств (1,5-8).

Давайте посмотрим, за что автор послания упрекает этих людей. Они извращают Писание, чтобы оно отвечало их интересам (1,20; 3,16); порочат христианство (2,2); они алчны и обирают своих собратьев (2,3.14.15). Они осуждены и разделяют судьбу согрешивших ангелов (2,4), а также тех, кто жил до потопа (2,5), жителей Содомы и Гоморры (2,6), и лжепророка Валаама (2,15). Это - бессловесные животные, находящиеся во власти природных инстинктов (2,12) и своей похоти (2,10.18). Глаза их исполнены любожительства (2,14), они наглы и высокомерны (2,10.18), проводят дни в безудержной роскоши и попойках (2,13); они говорят о свободе, но свободой они называют необузданное своеволие и развращенность, потому что они - рабы своей похоти (2,19). Они не только сами ушли с пути истинного, но вводят в заблуждение и уводят с пути истинного других (2,14.18). Они хуже тех, кто вообще не знал пути истинного, потому что они зная, что такое добродетель, сами погрязли в грехах, подобно псу, возвращающемуся к своей блевотине, и вымытой свинье, возвращающейся в грязь (2,20.22).

Совершенно очевидно, что Петр описывает здесь людей, нарушающих закон, использующих благодать Божию для оправдания своих грехов. Вероятнее всего тогда это были гностики, утверждавшие, что лишь дух благ, а материя в сути своей порочна, а потому, все равно, что мы делаем со своим телом и, следовательно, можно спокойно удовлетворять все свои желания. Эти люди вели совершенно аморальный образ жизни и побуждали к этому других, они оправдывали свои поступки, извращая понятие о благодати и толкуя Писание в своих интересах.

Отрицание второго пришествия

Кроме того, эти люди отрицали Второе Пришествие Иисуса Христа (3,3.4). Они утверждали, что мы живем в устойчивом мире, в котором все остается неизменным, и что Бог настолько нетороплив в Своих действиях, что можно считать, что Второе Пришествие вообще не наступит. Второе послание Петра отвечает таким людям, что этот мир непрочен, что он был уничтожен водою во время потопа и будет уничтожен огнем во время светопреставления (3,5-7). То, что эти люди считали медлительностью Бога, есть, в действительности Его долготерпение, потому что Он хочет дать людям еще одну

возможность раскаяться (3,8.9). Но день Господень, день светопреставления, приближается (3,10). Будет новое небо и новая земля и, потому человеку, если он хочет спастись в день страшного суда, совершенно необходимо сохранять себя в благочестии (3,11-14). В этом с Петром совершенно согласен и Павел, как бы трудны для понимания ни были его послания, и как бы ни извращали их лжеучителя (3,15.16). Христианин должен стоять крепко, твердо опираясь на веру и возрастая в благодати и познании Иисуса Христа (3,17.18).

Сомнения молодой церкви

Таково содержание послания. На него долгое время смотрели с сомнением и с опасением. До начала третьего столетия о нем вообще ничего не было слышно. В 170 году оно не было включено в Мураториев Канон, который был первым официальным списком книг Нового Завета; его не было ни в древней латинской версии Священного Писания, ни в Новом Завете ранней сирийской церкви.

Великие ученые Александрии тоже либо не знали о нем ничего, либо высказывали сомнения по его поводу. Климент Александрийский, живший на рубеже второго и третьего столетия и написавший конспект книг Священного Писания, по-видимому, не включил в него Второе послание Петра. Ориген говорит, что Петр оставил после себя одно послание признанное всеми, и "возможно, еще второе, потому что этот вопрос спорный". Еще один говорил: "Нельзя забывать, что это послание поддельно: его можно публично читать, но оно не входит в канон Писания". Великий ученый и епископ Евсевий, проведший изучение христианской литературы, сделал такое заключение: "Послание Петра, которое называют его первым посланием, признано всеми; древние пресвитеры часто использовали его в своих писаниях как неоспоримо подлинное и оригинальное; а то, которое ходит под именем второго послания, мы получили как неканоническое, хотя, поскольку оно оказалось полезным для многих, его прилежно читают наравне с другими Писаниями".

Лишь в четвертом столетии Второе послание Петра заняло свое место в Новом Завете.

Возражения

Почти все ученые, как древние, так и современные, считают, что Петр не является автором второго послания. Даже Кальвин считал невозможным, чтобы Петр мог так отзываться о Павле, как это получило отражение во Втором Послании Петра (3,15.16), хотя Кальвин и был готов считать, что послание было написано кем-то по просьбе Петра. Каковы же доводы против авторства Петра?

1. Раннехристианская Церковь очень медлила с принятием этого послания и сделала это неохотно. Если бы не было сомнения, что оно действительно написано Петром, Церковь сразу бы приняла его. Но дело обстояло совершенно иначе. В течение первых двух столетий его, насколько нам известно, вообще не цитировали, в течение еще больше одного столетия на него смотрели с сомнением и подозрением, а приняли его лишь в конце четвертого века.

2. Уже само содержание послания вызывает сомнения в том, что оно могло быть написано Петром. В нем ни разу не говорится о страданиях Господних, Воскресении и Вознесении Иисуса Христа; не говорится о Церкви, как о подлинном Израиле; о вере, которая есть единство несокрушимой надежды и доверия; о Святом Духе, о молитве, о крещении; в нем нет страстного призыва к людям следовать высшему примеру Иисуса Христа. Если убрать эти элементы из Первого послания Петра, в нем едва ли вообще что-нибудь останется, и тем не менее, во Втором послании Петра ничего этого нет.

3. Оно и по характеру и по стилю совершенно отличается от Первого послания Петра. Это понимал уже Иероним (347-419гг.), один из выдающихся учителей Церкви и толкователь Ветхого Завета, писавший: "Симон Петр написал два послания, получившие название соборных (вселенских), причем многие отказываются признать подлинность второго, потому что оно отличается от первого по стилю". Действительно греческий стиль этого второго

послания очень сложен. Его называли претенциозным, притворным и непонятным, единственной новозаветной книгой, которую перевод только улучшает. Епископ Чейз писал: "Послание производит впечатление искусственности и риторичности. В нем отчетливо видны признаки сознательных усилий. Складывается впечатление, что автор сознательно стремится писать стилем, до которого он вовсе не дорос". Он заключает, что литературные качества второго послания не вяжутся с мыслью о том, что оно было написано Петром. Моффат говорил: "Второе послание Петра более риторично и претенциозно, чем Первое послание Петра, а его языковые и стилистические особенности показывают, при его громоздкости и непонятности, что оно значительно отличается от первого и уступает ему и по замыслу".

Можно, правда, утверждать вместе с Иеронимом, что точно так же, как Первое послание Петра было написано под диктовку Петра Силуаном, так Второе послание Петра писал под диктовку другой его личный секретарь, и что именно этим объясняется разница в стиле. Дж. Б. Мейор, сравнивая оба послания и цитируя один из великих отрывков Первого послания Петра, заявляет: "Я полагаю, что читавший сии слова, не может не видеть, что ни у Павла, ни у Иоанна нельзя найти более прекрасного и живого описания секрета раннего христианства или силы, преодолевшей мир, чем в совершенном сочетании веры, надежды, любви и радости, которое пропитывает это короткое послание (то есть Первое послание Петра). Никто не может утверждать того же по отношению ко Второму посланию Петра; даже если оно интересно и наполнено глубокими мыслями, в нем нет того сильного чувства, той пламенной любви, которые характеризуют Первое послание Петра... Никакие обстоятельства не могут объяснить перемену в стиле, которая так бросается в глаза при сравнении этих двух посланий".

Этот крупный и осторожный ученый пришел к заключению, что различие между Первым и Вторым посланиями Петра, которое лежит не столько в стиле, сколько в духе, в котором они были написаны, можно объяснить лишь тем, что они были написаны разными людьми. И правда, если смотреть с чисто лингвистической точки зрения, 369 слов из Первого послания Петра не встречаются во Втором послании Петра и 230 слов из Второго послания Петра не встречаются в Первом послании Петра.

Но они отличаются не только по стилю: автор может изменить свой стиль и словарь, обращаясь к иной аудитории и по иному поводу, но различие в духе и позиции, с которой написаны эти два послания, настолько велико, что это совершенно маловероятно, чтобы оба послания написал один и тот же человек.

4. Некоторые факты во Втором послании Петра почти неопровержимо указывают на более позднюю дату его написания. Прошло уже столько времени, что люди почти совсем оставили надежду на Второе Пришествие (3,4). Об апостолах говорится, как о фигурах прошлого (3,2). От возникновения христианской веры до написания Второго послания Петра прошло несколько поколений (3,4).

В послании есть такие ссылки, которые можно объяснить только тем, что прошли многие годы. Слова о скорой смерти Петра очень похожи на слова о пророчестве Иисуса в *Иоан. 21,18.19a*. Четвертое Евангелие было написано не раньше 100-го года. Заявление Петра о том, что он собирается оставить после своей смерти нечто, что продолжит его учение, очень похоже на место в *Мар. 1,12-14*.

Но прежде всего надо принять во внимание указание на послания Павла (3,15.16). Из этого совершенно очевидно, что послания Павла были известны и использовались во всей Церкви: они являются общественным достоянием и, более того, на них смотрят как на Священное Писание на одном уровне с "прочими Писаниями" (3,16). Эти послания были собраны и опубликованы не раньше 90-го года, после чего потребовалось еще много времени на то, чтобы они были признаны Священным Писанием. Практически невозможно, чтобы кто-нибудь мог написать так раньше, чем во второй половине второго столетия.

Все это указывает на то, что Второе послание Петра относится к более позднему времени. Его не цитировали до третьего столетия. Крупные ученые молодой Церкви считали, что оно не было написано Петром, хотя они и не ставили под сомнение его пользу. В послании есть такие места и параллели, которые можно объяснить лишь тем, что прошло много лет. Очень интересным в связи со Вторым посланием Петра является тот факт, что оно было написано последним из всех книг Нового Завета и последним было включено в него.

От имени апостола Петра

Как же тогда вышло так, что его стали связывать с именем апостола Петра? На это можно ответить, что его умышленно стали связывать с Петром. Нам это может показаться странным, а в древнем мире это было обычным делом. Письма Платона написал не Платон, а его ученик от его имени. Иудеи тоже часто использовали этот прием. В эпоху между Ветхим и Новым Заветами были написаны книги от имени царя Соломона, Исаии, Моисея, Варуха, Ездры, Еноха и многих других, а в эпоху Нового Завета возникла целая литература вокруг имени апостола Петра - Евангелие от Петра, Проповедование апостола Петра, Откровение апостола Петра.

Один примечательный факт может внести некоторую ясность в этот вопрос - этим методом пользовались и еретики: они писали и издавали вводящие в заблуждение и вредные книги под именами великих апостолов, утверждая, что это и есть учение великих основателей Церкви, переданное ими устно. Перед лицом такой опасности Церковь отвечала тем же и выпускала книги, излагая в них людям того поколения истины, с которыми, она была уверена, что апостолы, если бы они были живы, обратились бы к людям. Нет ничего необычного или порочного в том, что от имени Петра была издана книга, которую написал не он. Автор скромно вкладывал в уста Петра весть, данную ему Святым Духом, потому что ему казалось, что его собственное имя недостойно того, чтобы его поставили в книге.

Мы увидим, что читать Второе послание Петра не просто, но эта книга приобрела особенно важное значение, потому что была обращена к людям, подрывавшим христианскую этику и христианское вероучение и которых нужно было остановить, чтобы они своим извращением истины не разрушили христианскую веру.

Глава 1

1

Человек, отворивший двери (2 Пет. 1,1)

Послание начинается с тонкого и прекрасного намека тем, у кого есть глаза, чтобы видеть и достаточно знания Нового Завета, чтобы понять его. Петр пишет "принявшим с нами драгоценную веру" и называет себя Симеоном Петром.

Кто были эти люди, которым он писал? На это может быть действительно только один ответ: они когда-то были язычниками, в противоположность иудеям, которые были особым, избранным Богом народом. Те, кто некогда не был народом, а нынче народ Божий (*1 Пет. 2,10*), те, кто некогда были отчуждены от общества израильского, бывшие некогда далеко, стали близки... (*Еф. 2,11.13*).

Петр выражается очень ярко, употребляя слово, которое сразу должно было затронуть струну в памяти тех, кто слышал его. Вера *равно драгоценная*; в греческом это *изотимос*; *изос* значит равный, а *тиме* значит честь. Это слово в частности употреблялось по отношению к иностранцам, которым давались равные с гражданами права в городе, римский историк Иосиф Флавий, например, говорит, что в Антиохии иудеи были *исотимой, равными по чести и привилегиям* с жившими там македонцами и греками. Таким образом, Петр обращается с посланием к тем, кто когда-то были презируемыми язычниками но получили равные с иудеями и даже с апостолами права гражданства в Царствии Божиим.

В связи с этими привилегиями, которые были предоставлены язычникам, нужно отметить два свойства.

а) Они были *приняты* ими, то есть они их не заслужили, не заработали, они достались им, они выпали им без всяких на то заслуг с их стороны или достоинств, как по жребию; другими словами, эти новые привилегии достались им по милосердию, по благодати Божией.

б) Они *выпали* им по беспристрастной справедливости Бога и Спасителя Иисуса Христа. Они выпали им, потому что Бог одинаково относится ко всем народам и нациям, Его благодать и милосердие нисходят равно на всех.

Ну, а как все это связано с именем *Симеон* (в греческом оригинале особая форма написания *Симон*), которым здесь назван Петр? В Новом Завете его часто называют Петром, довольно часто его называют также Симоном, как его звали до того, как Иисус дал ему имя Кифа или Петр (*Иоан. 1,42*), но лишь один раз во всем Новом Завете употреблена эта особая форма написания *Симеон*, а именно в рассказе о совете иерусалимской церкви в *Деян. 15*, постановившем широко раскрыть для язычников дверь Церкви. Иаков сказал тогда: "Симон (в этом случае тоже особая форма написания Симеон) изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое" (*Деян. 15,14*). В настоящем послании, начинающемся приветствиями язычникам, которым были дарованы Богом равные с иудеями и с апостолами привилегии и место в Царствии Божиим, Петр назван именем *Симеон*.

Имя Симеон (Симон) напоминает нам о том, что Петр - это человек, открывавший двери: он открыл дверь Корнилию, языческому сотнику (*Деян. 10*), на совете церкви в Иерусалиме он поставил свой огромный авторитет на сторону тех, кто открыл дверь всем язычникам (*Деян. 15*).

Славное служение (2 Пет. 1,1 (продолжение))

Петр называет себя *рабом* Иисуса Христа. В греческом это *доулос*, что действительно значит раб. Может показаться странным, что такое звание, совершенно очевидно имевшее уничижительное значение, величайший из людей принял как титул величайшей чести. Моисей, великий вождь и законодатель, был *доулос* Господень (*Втор. 34,5; Пс. 104,26; Мал. 4,4*). Иисус Навин, великий предводитель, был *доулос* Господень (*Иис. Н. 24,29*). Давид, величайший из царей, был *доулос* Господень (*2 Цар. 3,18; Пс. 77,70*). В Новом Завете Павел величал себя *доулос* Иисуса Христа (*Рим. 1,1; Фил. 1,1; Тим. 1,1*); этот титул с гордостью носили Иаков (*Иак. 1,1*) и Иуда (*Иуд. 1*). В Ветхом Завете *доулос* Господа именуются пророки (*Ам. 3,7; Ис. 20,3*), а в Новом Завете *доулос* Христовыми называются христиане (*Деян. 2,18; 1 Кор. 7,22; Еф. 6,6; Кол. 4,12; 2 Тим. 2,24*). И в этом заключен великий смысл.

1. Назвать христианина *доулос* Божиим, значит сказать, что он полностью принадлежит Богу. В древности господин владел своими рабами так же, как он владел инструментами и орудиями. Слуга может по своей воле сменить своего господина, а раб не может. Христианин всецело принадлежит Богу.

2. Назвать христианина *доулос* Божиим, значит сказать, что он находится полностью в Его распоряжении. В древнем мире господин мог сделать со своим рабом все, что ему заблагорассудится, он даже распоряжался его жизнью и смертью. У христианина вообще нет никаких прав, потому что он уступил все свои права Богу.

3. Назвать христианина *доулос* Божиим, значит сказать, что он должен беспрекословно повиноваться Богу. В Древности слово господина было единственным и окончательным законом для раба. В любой ситуации христианин может задать только один вопрос: "Господи, что Ты велишь мне сделать?" Повеление Бога должно быть его единственным законом.

4. Назвать христианина *доулос* Божиим, значит сказать, что он должен постоянно пребывать в служении Ему. У раба в древности в буквальном смысле не было ни личного

времени, ни отпуска, ни досуга. Все его время принадлежало его господину. Христианин не может, будь то сознательно или бессознательно, делить свое время и свою деятельность на одну часть, принадлежащую Богу и на другую, принадлежащую ему, когда он делает то, что ему заблагорассудится. Христианин - это непременно человек, который каждое мгновение своего времени проводит на службе Божией.

Нужно отметить еще один пункт. Петр говорит о правде *Бога нашего и Спасителя Иисуса Христа*, как сказано в русском переводе Библии. Греческий же текст определенно указывает на то, что речь идет об одной личности и лучше было бы перевести *нашего Бога и Спасителя Иисуса Христа*. Обратите внимание на то, что здесь Иисус назван Богом, что вообще очень и очень редко имеет место в Новом Завете. Единственную действительную параллель представляет восклицание пораженного Фомы: "Господь мой и Бог мой" (*Иоан. 20,28*). Это не дискуссионный вопрос, это даже не богословский вопрос, ибо Петр и Фома называли Иисуса Богом не в богословском смысле, а в порыве обожания. Они просто понимали, что в человеческих выражениях не смогут передать личность Того, Которого они знали как Господа.

2

Самые важные познания (2 Пет. 1,2)

Петр излагает это совершенно необычным образом. Благодать и мир должны получить люди через познание, *познание* Бога и Иисуса Христа, Господа нашего. Может быть Петр обращает христианское мироощущение в нечто зависящее от познания? Или же здесь заложено иное значение?

Сперва рассмотрим слово, которое он употребляет в значении *познание* - *епигносис*. Это слово можно истолковать двояко.

а) Оно может значить *умножение знания*. *Гносис* - обычное греческое слово со значением *знание*, имеет здесь приставку *эпи*, которая имеет значение *к, по направлению к*. Следовательно, *эпигносис* можно было бы истолковать как знание, движущееся в направлении предмета своего познания. Благодать и мир получает христианин тогда, когда он познает Иисуса Христа все лучше и лучше. Как это выразил кто-то: "Чем больше христиане осознают значение Иисуса Христа, тем более осознают они значение благодати и ощущение мира (покоя)".

б) Слово *эпигносис* имеет и второе значение. Оно часто значит *полное знание*. Греческий историк Плутарх, например, употребляет его для передачи значения *научное знание* музыки в противоположность чисто любительскому. И потому оно может значить здесь, что знание Иисуса Христа есть, как бы "высшая наука жизни". Наука может дать человеку новые сведения, мастерство, новое знание, новые способности; в то время как лишь высшая наука, знание Иисуса Христа, приносит людям необходимую им благодать и мир, которых жаждут их сердца.

Но за этим словом может скрываться еще нечто большее. Петр имеет привычку употреблять слова, которые были на устах современных ему язычников, вкладывая в них новое значение. В эпоху, когда было написано это послание, слово *знание* широко употреблялось в сфере языческого религиозного мышления. Вот один такой пример: греки определяли *мудрость (софия)*, как знание и человеческого и божественного. Греческие богоискатели искали это знание на двух путях.

а) В философских размышлениях. Они пытались постичь Бога исключительно силой человеческой мысли; но в связи с этим совершенно очевидно встают многие проблемы. Бог бесконечен, а ум человеческий имеет свои границы, и конечное никогда не может постичь бесконечное. Еще в древности Софар вопрошал: "Можешь ли ты исследованием найти Бога?" (*Иов. 11.7*). Если человеку когда-либо суждено познать Бога, то это не потому, что ум

человеческий постигает Его, а потому что Бог открывается ему. С другой же стороны, религия основанная на философских умозаключениях, может быть привилегией немногих, потому что не каждому дано быть философом. Петр не мог иметь в виду нечто подобное.

б) Они искали это знание в мистическом познании божественного, когда они могли бы сказать: "Я - это Ты, Ты - это я". Так подходили к этой проблеме религии-мистерии: они все представляли в форме мистерий - драматически разыгрывавшейся истории какого-нибудь бога, который страдал, умер и воскрес вновь. Вновь посвящаемого тщательно подготавливали путем длительного поста и воздержания, разъясняли ему скрытый смысл этой истории, вызывая в нем внутреннее напряжение, после чего эту историю разыгрывали как драму с величественной, чувственной музыкой, искусным световым оформлением и возжиганием ладана. Все это делалось для того, чтобы вновь посвящаемый вжился в происходящее, слился со страдающим, умирающим, воскресающим и вечно торжествующим богом. Но и на этом пути встают проблемы. Во-первых, не каждый человек способен на такое мистическое переживание; а во-вторых, каждое такое переживание носит преходящий характер; оно может произвести впечатление, но оно не может оказывать длительного воздействия. Мистическое переживание остается привилегией немногих.

в) А если познания Иисуса Христа нельзя достичь путем философских умозаключений или мистического переживания, то что это такое и как оно приходит к людям? Новый Завет понимает это знание как познание конкретной личности. Павел не говорит: "Я знаю, во что я верю", а он говорит: "Я знаю, в Кого я уверовал" (2 Тим. 1,12). Познание христианином Христа - это личное знакомство с Ним, знакомство как с человеком, установление с каждым днем все более близких и близких отношений с Ним. Когда Петр говорит о благодати и мире, нисходящих на людей через познание Бога и Иисуса Христа, он вовсе не делает религию объектом умозрительного познания; он просто говорит, что христианство есть процесс непрерывного углубления личных отношений с Иисусом Христом.

3-7

Величие Иисуса Христа для людей (2 Пет. 1,3-7)

В ст. 3 и 4 дан потрясающий и исчерпывающий образ Иисуса Христа.

1. Он - *Христа силы*. В Нем божественная сила, которая не может быть сломлена или нейтрализована. Одна из трагедий этого мира заключается в том, что любовь часто оказывается тщетной и бессильной, потому что она не может дать того, что она хочет дать, не может делать то, что она хочет делать и должна так часто беспомощно стоять, когда любимые попадают в беду. В основе Христовой любви лежит сила и потому она любовь побеждающая.

2. Он - *Христос щедрости*. Он дарует нам все необходимое для настоящей жизни и для настоящего благочестия. Петр употребляет слово *евсебейя*, что значит *религия, воплощенная в жизнь*. Тем самым Петр говорит, что Иисус учит нас, что есть настоящая жизнь, а потом дает нам способность жить так. Иисус Христос дает нам религию не оторванную от жизни, а являющуюся ее неотъемлемой и торжествующей частью.

3. Он - *Христос великих и драгоценных обетовании*. Это значит, что в Нем сбываются эти великие и драгоценные обетования. Павел выразил это иначе, когда он говорил, что все обетования в Нем, "да" и в Нем "аминь" (2 Кор. 1,20). Другими словами Христос говорит на эти обетования: "Да будет так". Он подтверждает их и гарантирует их исполнение. Кто-то выразил это так: "Если мы познали Иисуса Христа, то каждый раз, когда, читая Писание, мы доходим до обетования, начинающегося словом "всякий" или "каждый", мы можем сказать себе: "Это относится ко мне".

4. Он - *Христос, через Которого мы спаслись от морального разложения, господствующего в этом мире*. Петр должен был найти здесь аргумент против людей, ссылавшихся для оправдания своих грехов на Божию благодать. Они заявили, что благодать

Божия столь беспредельна, что она может покрыть любой грех, и потому грех больше ничего не значит, благодать Христова послужит прощением за него. Человек, который говорит так, проявляет тем самым свое желание грешить. Но Иисус Христос может помочь нам преодолеть притягательную силу и очарование мирских вожделений и очиститься Его присутствием и Его силой. Пока мы живем в этом мире, грех никогда не потеряет для нас полностью своей притягательной силы; но присутствие Христа защищает нас от этой силы.

5. Он - *Христос, сделавший нас причастниками Божеского естества*. И здесь Петр снова употребляет выражение, хорошо знакомое языческим мыслителям: они много говорили о сопричастии божеского существа. Но различие заключается в том, что они считали, что человек уже потому сопричастен божественному естеству, что он человек. Люди должны, по их мнению, лишь жить в соответствии с божественной природой, которая в них уже заложена. Проблема, однако, заключается в том, что жизнь решительно противоречит этому: всюду можно видеть горечь, ненависть, похоть, преступления; всюду можно видеть моральную несостоятельность, беспомощность и тщетность человеческих усилий. Христианство заявляет, что люди *могут стать* соучастниками божеского естества. Оно реалистично смотрит на подлинное состояние человека, но в то же время не ставит ограничений его способностям. "Я пришел, - сказал Иисус, - для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком" (*Иоан. 10,10*). Как сказал один из отцов ранней Церкви: "Он стал тем, чем мы должны стремиться сделать себя". В человеке заключена возможность стать соучастником божеского естества, но эта возможность может быть реализована лишь тогда, когда с нами Иисус Христос.

Снаряжение в дорогу (2 Пет. 1,3-7 (продолжение))

Петр говорит далее, что мы должны прилагать все усилия, чтобы *показать* (продемонстрировать, проявить) ряд превосходных качеств; при этом Петр употребляет слово *επιχορηγῆν*, переведенное как *показать*. Это слово он употребляет вновь в *ст. 11*, когда говорит, что *откроется* нам свободный вход в вечное Царствие Божие.

Это одно из греческих слов, имеющих образный подтекст. Глагол *επιχορηγῆν* происходит от существительного *χορηγος*, в буквальном смысле *руководитель хора*. Может быть, величайшим даром, который Греция, и в особенности Афины, дали миру, были великие творения таких людей как Эсхил, Софокл и Еврипид, которые еще и сегодня находятся в числе великих произведений литературы. В пьесах этих драматургов были использованы большие хоры и потому для их постановки требовалось много денег. В дни расцвета могущества Афин в городе были патриотически настроенные люди, добровольно бравшие на себя обязательства за свой счет набирать, содержать, обучать и снаряжать всем необходимым такие хоры. Эти драмы ставились в дни великих религиозных праздников. Так, например, в городе Дионис были поставлены три трагедии, пять комедий, пять дифирамбов. Нужны были люди, которые подготавливали бы хоры для всех этих представлений, причем подготовка одного такого хора могла обойтись в 3000 драхм. И вот люди, бравшие на себя из любви к своему городу такую задачу и связанные с нею расходы, назывались *χορηγῶν*, а *χορηγῆν* - это глагол со значением брать на себя такое обязательство.

В этом слове есть определенный оттенок щедрости, расточительности: оно не значит подготовить и снарядить скупой и скудно; нет, это слово значит щедро предоставить все необходимое для великолепного представления. Слово *επιχορηγῆν* получило более широкое употребление и стало значить не только подготовку и снаряжение хора, но и ответственность за любого рода снаряжения: оно может иметь значение снабдить армию, обеспечить ее всем необходимым, или снабдить душу, украсить ее всеми необходимыми для жизни добродетелями. Но всегда в этом слове присутствует оттенок щедрости и роскоши в снаряжении.

Таким образом, Петр настойчиво призывает своих читателей украсить свою жизнь всеми добродетелями; и, притом, не просто необходимым минимумом, а щедро и в изобилии. Уже

само это слово требует от нас, чтобы мы стремились обязательно к самому прекрасному и самому добродетельному образу жизни.

Но за этим скрывается еще нечто большее. В *ст. 5 и 6* Петр говорит, далее, что мы должны *прибавлять* к добродетели добродетель, пока они не достигнут высшей точки в христианской любви.

В христианской жизни должно быть постоянное нравственное совершенствование. Моффат приводит поговорку: "христианская жизнь не должна быть порывом, за которым следует ужасная пустота". Очень часто, по-видимому, именно так все и бывает: вспышка восторга в момент, когда человек осознает чудо христианства, а потом он оказывается неспособным построить христианскую жизнь на принципе непрерывного совершенствования.

А за этим мы можем увидеть еще одну идею фундаментальной важности. Петр просит своих читателей для этого *приложить все усилия*. Другими словами, в христианской жизни высшие усилия человека действуют в том же направлении, что и благодать Божия. Как это выразил Павел: "Со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению" (*Фил. 2,12.13*). Все, действительно, от веры, но вера, которая не проявляется в жизни - это вовсе не вера, с этим бы охотно согласился Павел. Верить - это не только принять заветы Христа, это также принять Его требования.

Греческий философ Аристотель писал в "Никомаховой этике", что существует три источника счастья.

- а) Счастье можно достичь учением, воспитанием и формированием правильных привычек.
- б) Счастье - это небесный дар, дар Божий.
- в) Счастье - дело случая.

Истина же заключается в том, что счастье, как его понимают христиане, есть дар Божий и одновременно результат собственных усилий. Мы не должны заслуживать спасения, но в то же время должны приложить все старания для достижения христианской цели - прекрасной жизни. Комментируя этот отрывок, выдающийся немецкий протестантский богослов 17-го века Иоанн Бенгель предлагал вспомнить притчу о десяти девах, из которых пять было мудрых, а пять - неразумных, и говорил: "Пламя - это то, что дано нам Богом и от Бога, без нашего труда; а масло - это то, что человек должен вливать в жизнь по своему разумению и своему ревностному усердию, с тем чтобы питать и усиливать это пламя".

Вера не освобождает человека от деяний, щедрость Бога не значит, что человек не должен прилагать никаких усилий. Прекраснее и лучше всего наша жизнь тогда, когда наши усилия к созданию необходимой красоты совпадают с благодатью Божией.

Ступени добродетели (1) (2 Пет. 1,3-7 (продолжение))

Давайте взглянем теперь на перечень добродетелей, перерастающих одна в другую.

Надо отметить, что такие перечни в древности не были редкостью. В то время книги вовсе не были так дешевы и легкодоступны, как нынче; все наставления ученики должны были хранить в своей памяти и потому все предназначенные для запоминания наставления формулировались в виде таких легко запоминающихся перечней. Один из искусных способов обучения ребенка наименованиям добродетелей сводился к игре в фишки, каждая из которых носила название определенной добродетели и которую можно было получить или потерять.

Перечни добродетелей были обычным делом в раннехристианских произведениях. Павел приводит в *Гал. 5,22.23* плод духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. В Пастырских посланиях он просит Божьего человека преуспевать в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости (*1 Тим. 6,11*). В

"Пастыре Ерма" (Видения 3.8.1-7) вера, целомудрие, простота, чистота, благоговение, разумение, благочестие и любовь последовательно являются дочерью одна другой. В "Послании Варнавы" (2) страх и долготерпение - помощники веры; терпение и целомудрие - наши союзники; человек, обладающий этими качествами, может обрести мудрость, благоразумие, благочестие и знание. Давайте посмотрим на перечень, приведенный в настоящем послании.

1. Он начинается с *веры (πιστις)*, все начинается с этого и восходит к этому. Для Петра вера есть убежденность в том, что все сказанное Иисусом Христом есть истина и что мы можем принять Его обетования и Его требования. Вне всякого сомнения, обрести счастье, мир и силу на земле и на небесах можно лишь поверив Ему на слово.

2. Вера должна выливаться в то, что в русском и английском переводах Библии названо *добродетелью*, а мы назвали бы *мужеством*. В греческом оригинале это *арете*, слово очень редко встречающееся в Новом Завете; оно имеет значение высшей *добродетели* в подлинном смысле этого слова, в значении *высшего качества*. Это значение имеет два оттенка:

а) *Высшего качества в плане производительности, действенности, умения*. Им можно охарактеризовать плодородную землю и могучие силы природы. *Арете* - это качество, делающее человека хорошим гражданином или другом, это добродетель, позволяющая человеку быть хорошим знатоком жизни.

б) *Арете* часто значит *мужество*. Греческий историк Плутарх говорит, что Бог есть надежда на *арете*, а не оправдание трусости. В 2 Макк. читаем о том, что Елеазар предпочел смерть измене законам Божиим и своих предков; рассказ заканчивается утверждением, что его смерть - образец доблести (*арете*) и памятник добродетели не только для юношей, но и для всего народа (2 Макк. 6,31).

В этом отрывке нет проблемы с толкованием слова *арете*, потому что здесь в нем присутствуют оба эти значения. Вера должна проявляться в жизни, в действенном служении Богу и человеку, а не в уходе в монастырь. Вера также должна проявляться в мужественном, открытом исповедании Христа.

3. Мужество должно перерастать в рассудительность (в греческом - *гносис*). В греческом есть еще слово *софия* - это *мудрость* в смысле *знания как человеческого, так и Божественного*, это знание первопричин, глубинного и основного; *гносис* - это *практическое знание*, способность применить в конкретной ситуации всякое знание, эту мудрость. *Гносис* - это знание, позволяющее человеку принимать правильное решение и действовать благородно и эффективно в повседневных жизненных обстоятельствах. Таким образом, вера должна перерастать в мужество и действенность, а мужество и действенность в практическую мудрость жизни.

Ступени добродетели (2) (2 Пет. 1,3-7 (продолжение))

4. Это практическое знание должно проявиться в *воздержании*. В греческом это слово *егкратейя*; в буквальном смысле оно значит *способность владеть собой*. Об этой добродетели великие греки говорили, писали и размышляли много. В связи с человеческими страстями греческий философ Аристотель различает четыре состояния в жизни: *софросуне* - страсти полностью подчинены разуму - это можно назвать *совершенной сдержанностью*; *аколасия* полная противоположность *софросуне* - разум полностью подчинен страстям, это можно назвать *необузданной страстью*; между этими двумя состояниями находится *акрасия*, в котором разум борется, но страсти преобладают - это можно назвать *несдержанностью*, и *егкратейя*, в котором разум борется со страстями и одерживает верх - и это мы называем *воздержанием*.

Егкратейя - одна из великих христианских добродетелей и занимаемое ею место демонстрирует реализм христианской этики: эта этика не требует, чтобы человек избавился

от всех страстей, она требует, чтобы он был хозяином своих страстей, а они были его слугами, а не тиранами.

5. Это воздержание должно проявиться в *терпении*. В греческом оригинале это *хупомоне*. Греческий учитель Церкви Иоанн Златоуст (354-407 гг.) назвал *хупомоне* "царицей всех добродетелей". В Библии это слово чаще всего переводится как *терпение*, но слово терпение передает слишком пассивное состояние. В *хупомоне* всегда присутствует доля мужества. Римский философ и оратор Цицерон определял *патиенция* - латинский эквивалент греческого *хупомоне* - как "добровольное и каждодневное перенесение жестокостей и трудностей ради славы и пользы". Дидим Александрийский так пишет о характере Иова: "Нет, праведник не должен быть бесчувственным человеком, но он должен терпеливо переносить то, что ему выпадает; это подлинная добродетель, когда человек глубоко чувствует то, что он переносит и, тем не менее, презирает горе, во имя Божие". *Хупомоне* - это не значит просто принять и переносить, в этом всегда присутствует взгляд в будущее. Автор Послания к Евреям говорил об Иисусе, что вместо предлежавшей Ему радости, Он претерпел крест, пренебрегши посрамление (Евр. 12,2). Это и есть *хупомоне*, христианское терпение: это мужественное принятие всего, что нам может выпасть в жизни и превращение даже самого худшего в еще одну степень на пути вверх.

6. Это терпение должно проявиться в *благочестии*. В греческом оригинале это *эусебейя* - совершенно не переводимое слово. Даже *благочестие* здесь неуместно, потому что в нем иногда есть привкус чего-то не очень привлекательного. Великая особенность *эусебейя* заключается в том, что оно имеет две стороны: человек, обладающий этим качеством не только всегда правильно служит Богу и отдает Ему должное, но он всегда правильно служит и своим братьям и отдаем им должное. Человек, характеризуемый как *эусебейос* (соответствующее прилагательное) находится в правильных отношениях с Богом и со своими братьями. *Эусебейя* - это благочестие, но в его самой практической форме.

Пожалуй, лучше всего можно понять значение этого слова, если внимательно посмотреть на человека, которого греки считали лучшим образцом этого качества. Это был древнегреческий философ Сократ, которого греческий историк Ксенофонт описывает так: "Он был столь благочестив и столь искренне религиозен, что не ступил бы шагу против воли неба; он был столь справедлив и честен, что никогда не причинил ни малейшего вреда какой-либо живой душе; он был столь воздержан и умерен, что никогда не отдал приятному предпочтение перед хорошим; он был столь разумным, столь мудрым и столь предусмотрительным, что никогда не ошибался, отличая хорошее от плохого" (Ксенофонт, "Меморабилия" 1.5.8-11).

По латыни это *пиетас* и вот как описывают человека, обладавшего, по представлению римлян, таким качеством: "Он выше соблазнов своих страстей и эгоистического покоя; его никогда не покидает чувство долга, долга сперва по отношению к богам, потом по отношению к отцу и к семье, к сыну и к дочери, к своим людям и к своему народу".

Эусебейя - из всех греческих слов ближе всего стоит к религии и, когда мы начинаем определять его, мы видим практический характер христианской жизни. Когда человек становится христианином, он принимает на себя двойной долг - по отношению к Богу и по отношению к своим братьям.

7. Это благочестие должно проявиться в *братолюбии*. В греческом оригинале это слово *филадельфия*, что в буквальном смысле значит *братская любовь*. Дело здесь вот в чем: есть такая форма религиозной набожности, которая изолирует человека от его братьев. Он видит в просьбах и требованиях братьев вторжение в собственные молитвы, в изучение Слова Божия и медитацию. Обычные требования и просьбы в человеческих отношениях становятся помехой. Так, никогда не женившийся римский философ Эпиктет говорил полушутя, что приносит гораздо больше пользы миру, оставаясь свободным философом, нежели если бы он произвел на свет "двух или трех сопляков". "Как может человек, на

котором лежит обязанность учить человечество, бегать за посудой, чтобы согреть воду для купания ребенка?"

Петр говорит здесь, что религия, которая считает помехой просьбы, вытекающие из личных отношений, это не настоящая религия.

8. Высшая ступень христианских добродетелей - это христианская любовь. Не просто привязанность к братьям, а любовь, столь же бесконечная, как и любовь Божия, солнце Которого встает и над праведником и над грешником, Который посылает дождь и злему и добромu. Христианин должен показать всему миру ту любовь, которую Бог показал ему.

8-11

В пути (2 Пет. 1,8-11)

Петр настойчиво призывает своих читателей продолжать взбираться по ступеням добродетели. Чем лучше мы знаем предмет, тем более мы способны узнавать. Уже всегда было истиной, что "у кого есть, тому будет дано". Прогресс это путь к дальнейшему прогрессу. Моффат так говорил о познании Иисуса Христа: "Мы познаем Его, когда мы живем в Нем и для Него". Как это поется в одном гимне:

"Пусть каждое сердце исповедует Твоя имя И вечно поклоняется Тебе, И, познавая Тебя, воспламеняется, Познавать Тебя все больше и больше".

Подыматься по ступеням добродетели - значит все ближе приближаться к познанию Иисуса Христа и чем выше мы поднимаемся, тем выше мы способны подыматься. Если же мы отказываемся от попыток подниматься вверх по ступеням, это влечет за собой определенные последствия.

а) Мы слепнем, мы остаемся без направляющего света, который дает нам знание Иисуса Христа. Петр считает, что ходить без Христа - значит ходить во тьме и не видеть пути.

б) Мы, по выражению Петра, становимся *муонацон*. Это слово может иметь два значения. Оно может значить *близорукий*. Легко стать близоруким в жизни, видеть вещи лишь в свете сегодняшнего момента и не быть способным видеть их в перспективе, настолько сконцентрироваться на земном, чтоб перестать думать о вечном. Это слово также может значить *закрывать глаза (щуриться)*. И действительно, легко закрывать глаза на то, что мы не хотим видеть, и ходить, так сказать с шарами на глазах или зажмурившись. Жить без Христа - значит смотреть на мир и на жизнь близоруко.

Кроме того, отказ подниматься по ступеням добродетели значит забыть об очищении прежних грехов. Петр думает при этом о крещении. Крестились люди в ту эпоху взрослыми: это было сознательно принятое решение оставить прежний и принять новый образ жизни. Человек отказавшийся после крещения подниматься по ступеням добродетели, забыл, либо вовсе не осознал значения пройденного им таинства.

Для нас крещение является получением полноправного членства в Церкви Христовой. Приобщиться Церкви, а потом остаться прежним человеком, значит не суметь разобраться в том, что такое Церковь, ибо наше приобщение к ней должно явиться первым шагом на ступени, ведущей вверх.

И потому Петр настойчиво призывает своих читателей приложить все усилия для того, чтобы ответить на любовь Бога. И это очень примечательное требование: с одной стороны все от Бога; это глас Божий призывает нас войти в братство Его народа. Без Его благодати и без Его милосердия мы ничего не могли бы сделать и нам не на что было бы уповать. Но это вовсе не освобождает нас от труда.

Возьмем такую аналогию, которая, хоть и не идеальна, но может помочь нам понять это. Допустим, что богатый, добрый человек предложил бедному юноше, который бы сам никогда не имел такой возможности, стипендию и возможность учиться в университете. Но юноша на

сможет получить образования, если не будет серьезно заниматься, и чем серьезнее он будет заниматься тем лучше сможет воспользоваться открывшейся ему возможностью. Щедрое предложение должно сочетаться с тяжелой работой, чтобы могла быть реализована предоставленная ему возможность.

Если мы пойдем по этим ступеням вверх, говорит Петр, нам будет даровано право входа в вечное Царствие Божие, и мы нигде не поскользнемся. Этим Петр вовсе не говорит, что мы никогда не согрешим, но тогда мы не сойдем с пути истинного и не останемся позади. Встав на этот путь вверх, мы должны будет приложить большие усилия, но помощь Божия тоже будет большой, и, несмотря на все трудности, Он даст нам возможность и способность идти вперед до тех пор, пока мы не достигнем цели нашего пути.

12-15

Пастырская забота (2 Пет. 1,12-15)

Здесь Петр проявляет пастырскую заботу. Он указывает на связанные с проповедованием и наставничеством два момента.

Во-первых, проповедь очень часто является напоминанием человеку о том, что он уже знает, напоминанием ему того, что он забыл, или чего он не хочет видеть, либо недостаточно оценил.

Во-вторых, Петр продолжает наставлять и предупреждать, но начинает это, можно сказать, комплиментом: он говорит, что читатели послания уже знают истину и утверждены в ней. Проповедник, наставник, учитель или родитель всегда сможет добиться лучшего результата воодушевляя человека, нежели просто ругая его. В наставлении и воспитании можно большего добиться от человека, положившись на его честное слово, нежели напоминая ему о его несостоятельности. Петр мудро понимал, что для того, чтобы люди слушали его, нужно показать им, что он им верит.

Петр предвидит свою раннюю смерть; он говорит о своем теле как о храмине, как Павел говорит о хижине (2 Кор. 5,4). Древние авторы очень любили такое сравнение. В "Послании к Диогнету" говорится: "Бессмертная душа обитает в смертной хижине". Это сравнение восходит ко времени странствий патриархов в ветхозаветную эпоху. У них не было постоянного местожительства и они жили в шатрах, потому что находились на пути в землю обетованную. Христианин хорошо знает, что он временный жилец в этом мире и находится на пути в мир вечный. Ту же идею мы встречаем в *ст. 15*, где Петр говорит о приближающейся смерти как об *эксоде*, об *отшествии*. *Эксод* - это слово связано с исходом детей Израиля из Египта в поисках земли обетованной. Петр смотрит на смерть не как на конец, а как на отход в обетованную землю Божию.

Петр пишет, что Иисус Христос открыл ему, что конец его близок. Это может быть указанием на пророчество в *Иоан. 21,18.19*, где Иисус предсказывает, что Петр тоже однажды будет распят на кресте. Это время, должно быть, приближалось.

Петр говорит далее своим читателям, что приложит усилия, чтобы они помнили все сказанное им даже после его смерти. А это, вполне вероятно, ссылка на Евангелие от Марка. Предание настаивает на том, что в нем изложено то, что проповедовал Петр. Ириной (140-202 гг.) указывает, что после смерти апостолов Петра и Павла, Марк записал все, что было темой проповедей Петра, учеником и толкователем которого он был. Живший в конце второго столетия и собравший много преданий из эпохи молодой Церкви, Папий приводит такое же предание о происхождении Евангелия от Марка: "Марк, бывший толкователем Петра, записал аккуратно, хотя и не в том порядке, все что он, Петр, запомнил из сказанного и содеянного Христом. Ибо он, Марк, не слушал Господа и не был последователем Его; он позже следовал за Петром, как я уже говорил, и всюду замечал, как Петр применял Его указания на практике, вовсе не пытаясь передавать слова Господа систематически. И потому

Марк поступил неплохо, записав таким образом, некоторые вещи по памяти, ибо он заботился только о том, чтобы не упустить или не извратить что-нибудь из того, что слышал". Вполне поэтому может быть, что Петр имеет здесь в виду, что его учение будет и после его смерти доступно людям в Евангелии от Марка.

Согласно убеждению Петра, цель пастыря заключается в том, чтобы довести до своих читателей истину Божию и принять меры к тому, чтобы она сохранилась в их памяти и после его смерти. Он писал для того, чтобы сохранить для потомства не свое имя, а имя Иисуса Христа.

16-18

Благовествование и право нести его (2 Пет. 1,16-18)

Петр переходит к главной цели своей жизни - благовествованию людям о "силе и пришествии Господа нашего Иисуса Христа". Мы увидим, что главная цель настоящего послания заключается в том, чтобы напомнить людям о непреложности Второго Пришествия Иисуса Христа. Еретики, на которых здесь нападает Петр, уже не верили в него: оно настолько задержалось, что люди начали думать, что этого уже вообще не будет.

В этом, собственно, и заключалось благовествование Петра. Сделав это, Петр обосновывает свое право, начиная на первый взгляд, с поразительной вещи: с того, что он видел на горе Преображения, и что там он видел славу Иисуса и оказанный Ему почет, и слышал обращенный к Нему голос Бога. А это значит, что Петр использует рассказ о Преображении не как предвкушение Воскресения Иисуса, как это обычно делают, а как предвкушение торжествующей славы Второго Пришествия. История Преображения рассказана в *Мат. 17,1-8; Мар. 9,2-8; Лук. 9,28-36*. Прав ли был Петр в том, что он видел в Преображении не предвестник Воскресения, а предвестник Второго Пришествия?

В связи с историей Преображения следует отметить одну особенность: во всех трех Евангелиях она следует непосредственно за пророчеством Иисуса о том, что некоторые из присутствующих не вкусят смерти, как уж увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем (*Мат. 16,28; Мар. 9,1; Лук. 9,27*). Это, конечно, может натолкнуть на мысль, что между Преображением и Вторым Пришествием есть какая-то связь.

Но, что там ни говори, одно совершенно ясно: в этом послании Петр преследует великую цель - разбудить в своих слушателях и читателях живую веру во Второе Пришествие, и он обосновывает свое право на это тем, что он видел на горе Преображения.

В *ст. 16* встречаем интересное слово. Петр говорит: "мы... бывши очевидцами Его величия". В греческом оригинале *очевидец* - *επισημας*. В греческом языке эпохи Петра это слово было техническим термином. Мы уже говорили о религиях-мистериях. По своей природе они были драматическим представлениями истории страданий какого-нибудь бога, жившего, страдавшего, умершего и воскресшего вновь. Новообращаемый лишь после длительного курса наставлений мог присутствовать на мистерии и приобщиться ощущения непосредственного общения и единения с умирающим и воскресающим богом. Когда он доходил до такого состояния, он становился посвященным и получал название *επισημας*: теперь он был привилегированным очевидцем страданий бога. Таким образом, Петр говорит, что христианин - это очевидец страданий Христовых. Глазами верующего видит он Крест, умирает с Христом для греха и воскресает с Ним для праведности. Вера сделала его единым с Иисусом Христом Его смерти, в Его воскресшей жизни и силе.

19-21

Слова пророков (2 Пет. 1,19-21)

Это особенно трудный отрывок, потому что и в первой и во второй частях греческий текст может иметь совершенно разное значение. Мы рассмотрим сейчас эти возможности, причем начнем в каждом случае с самого маловероятного.

1. Первое предложение может иметь значение: "В пророчестве мы имеем более верную гарантию" Второго Пришествия. Если Петр выразился так, то он хочет сказать, что слова пророков являются еще большей гарантией реальности Второго Пришествия, нежели его, Петра, видение на горе Преображения.

Хотя это и может показаться невероятным, это возможно что Петр сказал именно это. В момент, когда он писал это послание, люди чрезвычайно интересовались словами пророчеств, в исполнении которых христиане видели доказательства истинности их вероучения. Мы неоднократно видим в истории ранней Церкви случаи, когда люди обращались, прочитав книги Ветхого Завета и видя в Иисусе исполнение заключенных в этих книгах пророчеств. В соответствии с этим можно сказать, что в пользу Второго Пришествия говорит прежде всего то, что его предсказывали пророки.

2. Но мы считаем, что следует отдать предпочтение второму варианту перевода: "То, что мы видели на горе Преображения, еще больше убеждает нас в справедливости того, что предсказали о Втором Пришествии пророки".

Как бы мы ни понимали это предложение, значение его заключается в том, что слава Иисуса на вершине горы в сочетании с видениями пророков являются залогом того, что Второе Пришествие есть живая реальность, его должны ждать все и к нему должны готовиться все.

Но и вторая часть отрывка может быть переведена двояко. "Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой".

1. Многие богословы молодой Церкви, полагали, что это значит: "Когда какие-нибудь пророки интерпретировали определенную ситуацию в истории или предсказывали, как история будет развиваться дальше, они высказывали не свое собственное мнение, а передавали людям открытое им Богом откровение". Вполне возможно, что значение именно таково. В Ветхом Завете лжепророки отличались тем, что говорили *от себя*, как бы в частном порядке, а не излагали то, что Бог повелел им сказать. Иеремия осуждает лжепророков: "Они обманывают вас; рассказывают мечты сердца своего, не от уст Господних" (*Иер. 23,16*). Иезекииль говорит: "Горе безумным пророкам, которые водятся своим умом, и ничего не видели" (*Иез. 13,3*). Ипполит рассказывает, откуда идут слова истинных пророков: "Они говорили не своей властью: сперва слово придавало им подлинную мудрость, а потом вели их видения".

В таком плане этот отрывок значит, что когда говорили пророки, они высказывали не свое личное мнение; это было откровение Божие и, потому, на их слово нужно обращать особое внимание.

2. Но этот отрывок можно понимать как указание на *наше* толкование пророков. Перед Петром встала проблема, в связи с тем, что еретики и порочные люди толковали пророков, приспособивая их высказывания к своим целям. Если рассматривать с этой точки зрения, которой придерживаемся и мы, Петр говорит: "Никто не должен обращаться к Писанию, чтобы толковать его в своих интересах".

Этот факт имеет первостепенное практическое значение: Петр говорит, что ни один человек не имеет права толковать Писание своими словами, *индивидуально*. Как же тогда толковать Писание? Чтобы ответить на этот вопрос, надо задать еще один вопрос. Откуда получали свою весть пророки. Они получали ее от Духа. Иногда даже говорят так, что Дух Божий использует пророков так же, как писатель пользуется своей ручкой или как музыкант использует свой музыкальный инструмент. Как бы там не было, Дух вкладывал в пророков Свою весть; из этого совершенно очевидно вытекает, что лишь с помощью Духа можно понять пророческие вести. Как уже выразился Павел, духовное можно понять только духовно (*1 Кор. 2,14.15*). В представлении иудеев Дух выполняет две Функции - Он приносит людям истину Божию и дает им способность понять принесенную истину. И, потому, Писание

нельзя толковать с позиции интеллектуальной искусности отдельного человека или его индивидуальных предрассудков; при его толковании нужно опираться на помощь Духа Святого.

Практически это значит следующее:

а) Дух на протяжении всех веков воздействовал на пророков и богословов, которые, таким образом ведомые Богом, открыли Писание людям. И, потому, если мы хотим истолковать Писание, мы можем сделать это лишь силою того же Духа Святого; должны самодовольно настаивать на то, что наше толкование правильно; мы должны скромно обратиться к трудам ученых и посмотреть, чему из того, чему их научил Дух, мы можем поучиться у них.

б) Но не только это: больше всего Дух пребывает и действует в Церкви и, потому, Писание следует толковать в свете учения, веры и традиций Церкви. Бог - Отец нам в вере, а Церковь - мать наша в вере. Если человек видит, что его толкование Писания совершенно расходится с учением Церкви, он должен покорно проанализировать свое толкование и спросить себя, не руководствовался ли он своими собственными желаниями, вместо того, чтобы следовать указаниям Святого Духа. Петр настаивает на том, что Священное Писание не собрание мнений каких-то людей, а откровение Божие людям через Святого Духа, и потому и толкование Священного Писания должно направляться тем же Духом.

Глава 2

1

Лжепророки (2 Пет. 2,1)

Появление в Церкви лжепророков можно было вполне ожидать, потому что во все поколения именно лжепророки уводили народ Божий о пути истинного и навлекали на него беды. Интересно посмотреть сперва на характеристики лжепророков в Ветхом Завете, потому что они проявились вновь в эпоху Петра, да возрождаются еще и сегодня.

1. Лжепророки были больше заинтересованы в завоевании популярности, нежели в том, чтобы возмещать истину. И потому они говорили людям то, что люди хотели услышать. Они говорили: "Мир! Мир! а мира нет" (*Иер. 6,14*). Они возвещали видения мира, когда Господь Бог сказал, что нет мира (*Иез. 13,16*). Во времена Иосафата лжепророк Седекия, сделал себе железные рога и сказал, что Израиль истребит сирийцев, как он сам это делает железными рогами; Михей же, подлинный пророк, предсказал несчастье и поражение, если Иосафат выступит в поход. Седекия был известен всем и принято было его предсказание: Иосафат отправился в поход против сирийцев и трагически погиб (*2 Цар. 22*). Во время Иеремии, Анания предсказал скорее падение власти Вавилона, в то время как Иеремия предсказал, что Израиль еще долго останется в рабстве в Вавилоне, и опять пророк, возвещавший то, что люди хотели слышать, был более популярен (*Иер. 28*). Великий греческий философ-циник Диоген говорил о лжеучителях своего времени, "которые всегда следовали туда, куда их вели рукоплескания толпы". Лжепророк отличается прежде всего тем, что он говорит людям то, что они хотят слышать, а не истину, которая им нужнее.

2. Лжепророки искали личной выгоды. Как сказал Михей: "Священники его учат за плату и пророки его предвещают за деньги" (*Мих. 3,11*). Они учат из постыдной корысти (*Тит. 1,11*); они отождествляют благочестие и наживу, делая из религии источник дохода (*1 Тим. 6,5*). Мы можем видеть, как они "работали" в молодой Церкви. В книге "*Дидахе*", ("Учение двенадцати Апостолов"), которую можно назвать первым молитвенником, записано, что пророк, требующий денег или роскошного угощения, - лжепророк. "*Дидахе*" называет таких людей "хриstopродавцами" ("*Дидахе*" 11). Лжепророк - это жадный человек, видящий в людях простаков, которых можно эксплуатировать в своих целях.

3. Лжепророки вели распущенный образ жизни. Пророк Исаия пишет: "Священник и

пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином" (Ис. 28,7). А пророк Иеремия говорит: "Но в пророках Иерусалима вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев... вводят народ Мой в заблуждение своими обманами и обольщением (Иер. 23,14.32). Лжепророк сам скорее соблазняет ко злу, нежели ведет к добру.

4. Лжепророк уводит людей еще дальше от Бога, вместо того, чтобы вести их ближе к Нему. Пророк, призывающий людей: "Пойдем вслед богов иных", испорчен окончательно (Втор. 13,1-5; 18,20). Лжепророк ведет людей в ложном направлении.

Таковы были особенности лжепророков в древности и в эпоху Петра, таковы они еще и поныне.

Грехи лжепророков и их конец (2 Пет. 2,1 (продолжение))

В этом стихе Петр говорит нечто о лжепророках и их действиях.

1. Они коварно насаждают пагубные ереси. *Ересь* - по-гречески *хайресис*, происходит от глагола *хайрейсфай*, что значит *выбирать* и это было сперва совершенно приличное слово: оно просто означало линию поведения и веры, выбранную для себя человеком. В Новом Завете мы читаем о *ереси* саддукейской, фарисейской и назорейской (Деян. 5,17; 15,5; 24,5). Можно было говорить о *ереси* платоников, подразумевая под этим последователей философии Платона. Можно было говорить о врачах, применявших особый метод лечения, как о *еретиках*. Но в христианской Церкви это слово очень скоро изменило свое значение. Павел одинаково осуждает ереси (как сказано в греческом тексте) и разномыслия (1 Кор. 11,18.19); *хайресис* (форма множественного числа этого слова) - это тоже дело плоти еретика должно предупредить и раз и два, а после этого отлучить (Тит. 3,10).

Откуда такая перемена? Дело в том, что до явления Иисуса, Который есть и путь, и истина, и жизнь, не было ничего достоверного, не было данной Богом истины. У человека было несколько возможностей, из которых он был свободен выбирать и верить. Но с пришествием Иисуса люди получили Божественную истину и они могли либо принять ее, либо отвергнуть. Еретиком стал человек, верящий в то, во что он хочет, вместо того, чтобы принять Божественную истину, в которую он должен верить.

Ну, а людей, которым писал Петр, какие-то самозванные пророки коварно убеждали верить в то, что казалось им истиной, а не в то, что Бог открыл как истину. Нет, они не противопоставили себя христианству. Напротив, они выступали как провозвестники высшего развития христианского мышления и постепенно утонченно отвращали людей от Божьей истины к личным мнениям каких-то людей, и это-то и есть ересь.

2. Они отвергали искупившего их Господа. Мысль о том, что Христос искупил людей, проходит через весь Новый Завет; она восходит к словам Самого Иисуса, что Он пришел для того, чтобы отдать душу Свою для искупления многих (Мар. 10,45). Идея заключалась в том, что люди были рабами греха, а Иисус ценою Своей жизни выкупил их для Себя и, тем самым, на свободу. "Вы куплены дорогою ценою", - говорит Павел (1 Кор. 7,23). "Христос искупил (выкупил) нас от клятвы закона" (Гал. 3,13). В Откровении искупленные поют новую песню, рассказывая о том, что Иисус искупил их из всякого колена и языка, и народа и племени (Отк. 5,9). А это совершенно определенно означает две вещи; во-первых, что христианин по праву куплен, полностью принадлежит Христу; и, во-вторых, что жизнь, за которую заплачено такую дорогою ценою, нельзя расточать на грех и дешевые трюки.

Еретики, о которых пишет Петр, *отвергали* искупившего их Христа; а это может значить, что они отвергали Его власть. Но все это не так просто, можно сказать, здесь не все так честно: мы уже видели, что эти люди претендовали на то, что они христиане, более того, они претендовали на то, что они самые мудрые и самые передовые христиане. Проведем человеческую аналогию: допустим, некто утверждает, что любит свою жену, а сам постоянно изменяет ей; тем самым он опровергает, обращает в ложь свои слова о любви. Допустим, что

некто уверяет кого-то в своей вечной дружбе, а сам постоянно неверен ему: его действия опровергают, обращают в ложь его заверения в дружбе. А эти порочные люди утверждали, будто они любят Христа и служат Ему, в то время как своими действиями и своим учением они полностью отрицали Его.

3. В конце же этих порочных людей ждет погибель. Они коварно насаждали ереси, но эти ереси в конечном счете погубят их. Нет более верного пути к окончательному осуждению, нежели учить других людей грешить.

2-3

Плоды лжи (2 Пет. 2,2.3)

В этом маленьком отрывке приведены четыре характерные черты лжеучителя и его лжеучения.

1. Мы видим, что *причиной* лжеучения является *любостяжание*. По-гречески - это *плеонексия*. *Плеон* - значит *много*, а *ексия* происходит от глагола *ехейн*, который значит *иметь*. *Плеонексия* значит *желать больше*, хотеть владеть большим, но с определенным оттенком. Ведь желать иметь больше не всегда грех, часто это справедливое желание, если это, например, касается добродетели, знаний, мастерства. Но *плеонексия* имеет значение желать владеть тем, на что у человека нет права. И потому это слово может значить алчное желание денег и имущества других людей; похотливое желание обладать другим человеком; дьявольское стремление к известности и власти. Лжеучение происходит от желания поставить свои желания на место истины Иисуса Христа; лжеучитель виновен ни более ни менее в том, что он узурпирует место Христа.

2. Мы видим *метод*, которым пользуются лжеучителя: это лживые слова. Если ложь представлять в ее подлинном обличий, ее легко опровергнуть, но она приобретает угрожающий характер, если ее замаскировать под правду. Для выявления истины есть только один критерий: учение такого лжеучителя нужно проверить на присутствие в нем Духа Иисуса Христа.

3. Мы видим, что это лжеучение производит двоякое *воздействие*. С одной стороны оно толкает людей на разврат, на вопиющую аморальность. Греческое слово *аселгея* характеризует человека, потерявшего всякий стыд и игнорирующего суд человеческий и суд Божий. Мы должны помнить, что за этим лжеучением крылось извращение благодати Божией и обращение ее в оправдание грехов. Лжеучители говорили людям, что благодать Божия безгранична и потому они могут грешить сколько угодно, ибо благодать простит все.

Это лжеучение имело и другое воздействие: оно навлекло дурную славу на христиан. В те времена, как впрочем и сегодня, каждый христианин - это хороший или плохой аргумент, в пользу или против христианства и христианской Церкви. Павел тоже обвиняет иудеев в том, что они навлекли хулу на имя Божие (*Рим. 2,24*). В Пастырских посланиях он призывает молодых женщин быть целомудренными и чистыми, чтобы не навлекать на Церковь дурной славы (*Тит. 2,5*). Всякое учение, которое отталкивает других от христианства, вместо того, чтобы привлекать их к нему, есть учение ложное и дело рук врагов Христовых.

4. Мы видим какой *конец* ждет такое лжеучение - это погибель. Суд над лжепророками свершился уже давно: их конец провозглашен уже в Ветхом Завете (*Втор. 13,1-5*). Может показаться, что это осуждение не возымело силы или было отложено на время, но оно осталось в силе и придет день, когда лжеучители заплатят страшную плату за свою ложь. Никто из них, кто уводит других с пути истинного, не уйдет от своего суда.

4-11

Гибель порочных и спасение праведных (2 Пет. 2,4-11)

Перед нами отрывок несомненно сильный и в такой же мере неясный. В нем и сегодня

чувствуется интенсивный накал красноречия и представлены такие картины, которые могут наводить ужас на людей. Приводятся три ужасных примера греха и его гибели; в двух из них показано как милостью и благодатью Божией добродетель была спасена и сохранена после изобличения греха. Рассмотрим эти примеры по отдельности.

1. Грех Ангелов

Прежде чем рассказать историю, лежащую в основе этого отрывка и сохранившуюся в иудейских преданиях, мы должны обратить внимание на два слова в этом отрывке.

Петр говорит, что Бог связал ангелов узами адского мрака. Греческий текст буквально значит, что Бог осудил ангелов в *тартар*. *Тартар* же происходит не из иудейского мировоззрения, а из греческого. По греческой мифологии тартар был самой нижней частью ада, царства мертвых: он находился намного ниже Гадеса, подобно тому, как небо находится высоко над землей. В частности, тартар был местом, куда были брошены титаны, восставшие против Зевса, отца богов и людей.

Второе слово связано с выражением *узами мрака*. И здесь возникают некоторые сомнения: употребляются два довольно необычных греческих слова. Одно из них *сирос* или *сейрос*, так первоначально назывался большой глиняный кувшин для хранения зерна. Потом так стали называть большие ямы-подвалы для хранения зерна. Через испанский и провансальский языки оно проникало и в другие европейские языки в форме *силос* - множественное число от *сило* с тем же значением - хранилище для зерна и других сыпучих материалов. В греческом это слово стало означать западню, волчью яму, в которую ловили волков или других животных. Если принять, что Петр употребил это слово (а в лучших списках употреблено это слово), то это значит, что падшие ангелы были брошены в огромные подземные ямы и содержались там в темноте и в наказании. Это вполне соответствует представлению о тартаре, находящемся в самых глубинах Гадеса.

Но есть еще очень похожее слово *сейра*, что значит *цепь*. Именно это значение принято в Библии, где говорится об узах мрака (*ст. 4*). В греческих списках употребляется и *сейрой* - волчья яма и *сейрай* - цепи. Но в лучших списках стоит *сейрой* и перевод *пропасти мрака* представляется более уместным, чем *цепи мрака*; и, потому, можно принять, что уместно здесь *сейрос* и что перевод официальной версии ошибочен.

История о падении ангелов имела глубокие корни в иудейском мировоззрении и с течением времени претерпела большие изменения. Сама история находится в *Быт. 6,1-5*. Там ангелы названы *сыновьями Божьими*, как они называются обычно в Ветхом Завете. В книге Иова сыновья Божий пришли предстать пред Господа, между ними пришел и сатана (*Иов. 1,6; ср. 2,1; 38,7*). Псалмопевец говорит о сынах Божьих (*Пс. 88,6*). Эти ангелы пришли на землю и соблазнили смертных женщин. От этих похотливых связей произошла раса гигантов и через них порок распространился на земле. Это очень старая история, восходящая к детству человечества.

Эта история получила большое развитие в "Книге Еноха", и именно она послужила основой для сравнений Петра, потому что в то время эту книгу знал каждый. В "Книге Еноха" они названы *бодрствующими*. Предводители ангелов восстали против Бога. Под их предводительством ангелы спустились на гору Ермон во времена Иареда, отца Еноха, брали смертных женщин, наставляли их в магии и хитростях, Дававших им силу. От них произошла раса гигантов, от которых в свою очередь произошли "нефилим", исполины, населявшие Ханаан и напугавшие соглядатаев (*Числ. 13,33*).

Гиганты стали людоедами и были повинны во всех пороках и преступлениях, а особенно в высокомерном отношении к Богу и к людям. В апокрифической литературе мы находим много упоминаний о них и их гордыне. В *Прем. 14,6* говорится о том, как погибли надменные исполины. В *Сир. 16,7* говорится о том, что древние титаны в надежде на свою силу сделались отступниками. Они были лишены мудрости и погибли из-за своей безрассудности

(*Вар. 3,26-28*). Иосиф Флавий говорит, что они были высокомерны и презирали все хорошее и верили лишь в свою силу ("Иудейские древности" 1.3.1). Иов говорит, что Бог усматривает в Своих ангелах недостатки (*Иов. 4,18*).

Эта старая история мимолетно упоминается в посланиях Павла. В *1 Кор. 11,10* Павел говорит, что женщины должны покрывать голову в церкви, *для ангелов*. За этим странным выражением стоит старое поверье, что соблазнили ангелов именно прекрасные длинные волосы древних женщин; Павел хотел бы, чтобы у ангелов не было повода к соблазнам.

В конечном счете люди стали жаловаться на горе и несчастье, которые принесли в мир эти исполины в результате прегрешений ангелов, и Бог послал Своих архангелов. Рафаил связал Асалея (предводителя) по рукам и ногам и заключил его во мрак; Гавриил перебил всех исполинов, согрешившие ангелы были заперты в пропастях тьмы под горами на срок в семьдесят поколений, а потом осуждены на вечный огонь. Вот эта история, которая была хорошо известна его читателям, и которую Петр мысленно имел в виду. Ангелы согрешили и Бог наслал на них погибель; они были заключены навечно в пропасти мрака и в глубинах ада. Вот что ждет бунтующий грех.

Но история на этом не кончается и она появляется вновь вот в такой форме в настоящем отрывке Второго послания Петра. В *ст. 10* Петр говорит о тех, кто идет вслед скверных похотей плоти, *презирают начальства*. В греческом оригинале это *куруиотес*, а это название одного из ангельских чинов. Они *злословят высших*; в греческом это *доксай*, а это тоже название одного из ангельских чинов. Они злословят ангелов и навлекают на них дурную славу. И здесь история принимает иной оборот. Совершенно очевидно, что эта история об ангелах чрезвычайно примитивна и со временем она приобрела неприятный и нескладный характер, вследствие того, что ангелам приписывается похоть. И потому в позднейшем христианском и иудейском мировоззрении наметились две линии. Во-первых, отрицалось что в истории вообще шла речь об ангелах. Говорилось, что сыны Божий были хорошими людьми и они были потомками Сифа, а земные дочери были порочные женщины - дочери Каина и это они развращали хороших мужчин. В Священном Писании нет никаких свидетельств в пользу такого различия и такого объяснения. Во-вторых, всю историю толковали как аллегорию. Так, например, Филон Александрийский утверждал, что ее никогда не понимали буквально, и что в ней описывается падение человеческих душ под натиском соблазнов и похотливых наслаждений. Августин (354-430 гг.) самый выдающийся из отцов западной церкви утверждал, что ни один человек не может понимать эту историю буквально и говорить так об ангелах. Кирилл Александрийский сказал, что эту историю нельзя понимать буквально: ведь говорил же Иисус, что в жизни вечной люди будут подобны ангелам Божиим, и что там не женятся и не выходят замуж (*Мат. 22,30*). Иоанн Златоуст говорил, что, если эту историю понимать буквально, то это не что иное, как богохульство. А Кирилл Александрийский говорил даже, что эта история, если ее понимать буквально, есть не что иное, как побуждение ко греху.

Совершенно ясно, что люди начинали понимать, что эта история чревата опасными последствиями. И здесь мы находим ключ к фразе, где Петр говорит о людях, которые презирают начальства и злословят высших, навлекая на них дурную славу. Петр возражал здесь людям, пытавшимся обратить религию в оправдание своей вопиющей безнравственности. Из трудов Кирилла Александрийского видно, что в то время эту историю использовали как средство для совращения. Вероятнее всего, что порочные люди во время Петра приводили в пример ангелов, оправдывая свою греховность. Они, должно быть, говорили: "Если уж ангелы приходили с небес и брали смертных женщин, почему мы не могли делать то же?" Они использовали поведение ангелов для оправдания своих грехов.

Но пойдём дальше. Этот отрывок заканчивается очень неясно *стихом 11*, где говорится, что ангелы, которые превосходили их крепостью и силою, не осуждают их перед Богом. Опять Петр говорит иносказательно: так, что это было вполне понятно его современникам, а для

нас остается неясным. Он, может быть, ссылается здесь на одну из следующих историй.

а) Может быть он ссылается на историю, которую упоминает Иуда в *Иуд. 9* о том, как Михаилу Архангелу было поручено сокрыть тело Моисеево: дьявол потребовал тело себе, утверждая, что все материальное принадлежит ему и что Моисей когда-то убил одного египтянина. Архангел Михаил не смел произнести укоризненного суда против дьявола, и лишь сказал: "Да запретит тебе Господь". Идея Петра и Иуды заключается в том, что даже такой великий ангел, как Михаил не посмел произнести укоризненного суда в адрес такого порочного ангела, как дьявол, а оставил вопрос на Божие усмотрение. Так вот, если Михаил воздержался от того, чтобы злословить порочного ангела, то как могут люди злословить ангелов Божиих?

б) А может быть он ссылается на позднейший вариант истории Еноха. Енох сообщает, что когда поведение исполинов стало невыносимым, люди пожаловались архангелам Михаилу, Уриилу, Гавриилу и Рафаилу, которые передали эту жалобу Богу, но не ругали порочных ангелов, несших за все ответственность, они просто изложили все дело Богу, чтобы Он Сам принял соответствующие меры ("*Книга Еноха*" 9).

Насколько мы можем видеть сегодня, за этой фразой Петра скрывается тот факт, что порочные люди, бывшие рабами своей похоти, утверждали, что образцом и оправданием для них служили ангелы и, таким образом, поносили их; Петр напоминает людям, что даже архангелы не посмели говорить дурно о других ангелах, и спрашивает их, как вообще люди могут делать это?

Это странный и трудный отрывок, но смысл его ясен: если ангелы, когда они согрешили, были наказаны, то уж насколько суровее наказание ждет согрешивших людей. Коли восставшие против Бога ангелы не могли уйти безнаказанными, как же тогда смогут избежать наказания люди? И пусть люди не пытаются свалить вину на других, даже на ангелов; за их грех ответственна их мятежность.

2. Люди потопа и спасение Ноя

Вторую иллюстрацию истребления порочности, выбранную Петром, можно вывести из первой. Грех, принесенный в мир падшими согрешившими ангелами, привел к тому смертному и ужасному греху, который нашел свою погибель в потопе (*Быт. 6,5*). Но осуществляя это истребление, Бог не забыл тех, кто был Ему верен. Ной был спасен вместе с другими членами его семьи: женой, сыновьями Симом, Хамом и Иафетом, и их женами. В иудейских преданиях Ной занял особое место: в нем видели не только единственно спасенного человека, но и проповедника, сделавшего все, что было в его силах, чтобы отвратить людей от их порочного образа жизни. Иосиф Флавий говорит: "Многие ангелы Божий вступали в связь с женщинами и зачинали сыновей, которые были неистовы и презирали все хорошее, вследствие того, что они полагались на свою силу... а Ной, недовольный и опечаленный их поведением, пытался побудить их к тому, чтобы они изменили свое поведение к лучшему" ("*Иудейские Древности*" 1.3.1).

Петр обращает здесь внимание не столько на людей, которые были истреблены, сколько на человека, который был спасен. Петр представляет Ноя человеком, получившим спасение от Бога, в то время как другие были истреблены. Ной обладал двумя выдающимися качествами.

1. Он один из целого поколения грешивших современников остался верным Богу. Павел требует от христиан не сообразовываться с веком сим, а преобразовываться силою своего обновленного сознания (*Рим. 12,2*). Вполне справедливо будет сказать, что конформизм - подчинение общепринятым нормам - самый опасный грех. Всегда просто быть таким, как все, а быть иным - всегда трудно. Но со времени Ноя и до наших дней человек, являющийся служить Богу, должен быть готов быть отличным от всех.

2. В позднейших преданиях выделена другая особенность Ноя: он был проповедником

праведности. В греческом оригинале употреблено слово *керукс*, что в буквальном смысле значит *вестник*. Римский философ-стоик Эпиктет называл философа *керукс* (*вестником*) богов. Таким образом, проповедник - это человек, несущий людям весть Божию; и в этом чрезвычайно важный смысл: праведный человек думает не только о спасении своей души, но и о спасении душ других людей. Он не живет обособившись от людей, чтобы сохранить свою чистоту, он стремится принести людям весть Божию. Человек никогда не должен утаивать для себя полученную им благодать Божию: он обязан принести свет тем, кто прозябает во мраке, указания странникам и предостережение тем, кто хочет свернуть с пути истинного.

3. Разрушение Содома и Гоморры и спасение Лота

В качестве третьей иллюстрации уничтожения порочности Петр взял уничтожение Содома и Гоморры и спасение Лота.

Эта ужасная и драматическая история приведена в *Быт. 18 и 19*. Она начинается с мольбы Авраама не уничтожать праведников вместе с нечестивыми, и его просьбы оставить эти города, если в них найдется хотя бы десять праведников (*Быт. 18,16-33*). А потом следует одна из самых мрачных во всем Ветхом Завете историй.

Ангелы-странники подошли к Лоту и он убедил их зайти в его дом, но дом его был окружен жителями Содома, требовавшими, чтобы Лот вывел странников на улицу, дабы они могли удовлетворить свои противоестественные похоти - (*Быт. 19,1-11*). Это ужасное деяние - нарушение закона гостеприимства, оскорбление ангелов и повальный разгул противоестественной похоти - окончательно решило судьбу городов. Когда над ними разверзлось небо, Лот и семья его были спасены, за исключением жены Лота, которая замешкалась и оглянулась назад и обратилась в соляной столп (*Быт. 19,12-26*). "И было, когда Бог истреблял города окрестности сей, вспомнил Бог об Аврааме, и выслал Лота из среды истребления, когда ниспровергал города, в которых жил Лот" (*Быт. 19,29*). Это еще один рассказ об уничтожении греховности и спасении праведности. В Лоте, как и в Ное, мы видим отличительные качества праведника.

1. Лот жил в самой гуще греха и один вид этого греха постоянно угнетал его. Моффат приводит слова английского теолога Джона Генри Ньюмена: "Наша лучшая защита от греха заключается в том, что он (грех) потрясает нас". Это очень примечательная фраза: ведь, когда мы впервые видим зло или грех, это потрясает нас, но по истечении времени это перестает поражать нас и мы начинаем принимать это как нечто само собой разумеющееся. Ведь нас многое должно было бы шокировать и поражать: в наше время стали обычным делом проституция, беспорядочные отношения между полами и разрушение брачных связей, алкоголизм и наркомания, азартные игры, насилие, вандализм и преступность, гибель людей в дорожных происшествиях и многое другое. Трагедия часто заключается в том, что все это уже не шокирует и не потрясает людей и они принимают это как само собой разумеющееся. Ради блага человечества и ради нашей собственной души мы не должны терять восприимчивости к шокирующему воздействию греха.

2. Лот жил в самой гуще зла и греха, и, тем не менее, он остался без порока. Среди содомского греха от оставался верным Богу. Человек, помнящий об этом, получит через Божию благодать иммунитет, который предохранит его от заразы греха. Никто не должен становиться рабом того окружения, в котором ему приходится жить.

3. Когда обстоятельства приняли совсем плохой оборот, Лот был готов совершенно порвать со своим окружением, оставить все это навсегда, хотя и против своего желания. Жена же его потому и погибла, что не была готова раз и навсегда порвать с окружением. В ветхозаветной истории есть странный стих: когда Лот замешкался, ангел-посланник взял его за руку (*Быт. 19,16*). Бывает так, что небесное провидение пытается вытолкнуть нас из пагубной ситуации. Человек может встать перед выбором: безопасность или новое начало, и бывает так, что он может спасти свою душу лишь начисто порвав со своим настоящим и начав еще раз сначала.

Лот поступил именно так и потому обрел спасение, а его жена потеряла свое спасение именно потому, что не смогла сделать этого.

Портрет порочного человека (2 Пет. 2,4-11 (продолжение))

В ст. 9-11 дан портрет порочного человека. Петр рисует несколькими быстрыми живыми штрихами характерные черты такого человека:

1. В жизни такого человека доминирует желание. Его жизнь направляется плотскими похотями. Он повинен в двух грехах.

а) В природе каждого человека есть две стороны - физическая: его инстинкты, страсти и побуждения, связывающие его с творениями животного мира. Это необходимые инстинкты, если им отведено надлежащее место, они даже необходимы для сохранения жизни индивидуума и продолжения рода. Само слово темперамент в буквальном смысле означает смесь, и за ним скрывается мысль о том, что человек состоит из большого числа смешанных между собой ингредиентов. Хорошее качество всякой смеси зависит от того, что каждый компонент, каждый ингредиент находится в ней в надлежащей пропорции. Если его будет больше или меньше, тогда и смесь будет не такой, какой ей следует быть. Человек состоит из физического и духовного, и его зрелость, его человеческие качества зависят от правильного сочетания этих двух компонентов. Человек, ставший рабом своих желаний, позволил своему животному началу занять больше места, чем следовало, он нарушил пропорцию, составляющих его природу компонентов и его человеческая сущность нарушилась.

б) А причина, вызывающая нарушение этого соотношения - эгоизм. Корень зла в жизни человека, ставшего рабом похоти, заключается в том, что он придает значение только удовлетворению своих желаний и выражению своих чувств. Такой человек перестал уважать кого-нибудь или считаться с кем-либо. Эгоизм и желание идут рука об руку.

Безнравственный человек - это человек, исключительно из эгоизма позволяющий одной стороне своей природы занять больше места, чем ей полагалось.

2. Порочный человек - это *наглый человек*. В греческом это *толметес*, от глагола *толман*, *сметь*. Есть два рода смелости: есть благородная смелость - признак подлинного мужества, но есть и пагубная смелость - бесстыдно делать то, что является публичным оскорблением правил приличия и норм. Как выражается один из героев Шекспира: "Я смею все, что смеет человек, и только зверь на большее способен". Безнравственный человек - это столь наглый и безрассудный человек, что он оказывает открытое неповиновение воле Божией, когда она известна ему.

3. Порочный человек - это *своевольный человек*. Собственно, *своевольный*, это не совсем подходящий перевод; греческое *аутхадес*, производное от *аутос* - сам и *хидон* - доставляющий удовольствие, *приятный*, характеризует человека, думающего только о том, как доставить себе удовольствие. В этом слове всегда присутствует примесь упрямства. Человек, характеризуемый как *аутхадес* упрямо, самонадеянно и даже грубо настаивает на своем. Безнравственный человек не обращает никакого внимания ни на человеческие призывы, ни на небесное провидение.

4. Этот человек *пренебрежительно относится и к ангелам*. Мы уже видели, как он ссылается на иудейские предания, которые остаются неясными для нас. Но это определение имеет более широкое значение. Безнравственный человек хочет жить только в одном мире: духовный мир для него попросту не существует и он никогда не слышит голоса из того мира. Этот человек совершенно земной, он забыл, что существуют небеса, он слеп и глух ко всему, что доходит до него из того мира.

12-14

Обманывать себя и других (2 Пет. 2,12-14)

Петр начинает длинную и изумительную речь, пышущую огнем нравственного негодования.

Безнравственные люди подобны бессловесным животным, которые руководствуются лишь животными инстинктами. Но животное, говорит Петр, рождено на то, чтобы его когда-то поймали и сожрали или убили - такова уж его судьба. Более того, в плотских наслаждениях есть нечто самоубийственное. Позволить таким наслаждениям быть всем в жизни значит повести самоубийственную политику, которая, в конечном счете, приведет к потере самого наслаждения. Собственно Петр говорит вот что - а это действительно и сегодня - человек, погрязший в плотских грехах, настолько разрушает свое физическое, душевное и умственное здоровье, что он уже не может получать от них наслаждение. Обжора в конечном счете разрушает свой аппетит, пьяница - свое здоровье, сластолюбец - свое тело, неженка - характер и душевный покой.

Такие люди видят особое наслаждение в повседневной роскоши (в английском тексте - в открытом разврате); они пятна позора и бесчестья на христианском братстве, они как порок у животного, который делает его непригодным для жертвоприношения Богу; и опять надо отметить, что сказанное Петром - это не только религиозная истина; в его словах заключается здравый смысл. Плотские наслаждения совершенно очевидно подчиняются закону постепенного затухания. Сами по себе они теряют свою остроту и связанный с ней трепет, и потому с течением времени для удовлетворения желаний их требуется все больше и больше. Роскошь должна стать еще более блестящей, вино должно течь более обильно - приходится делать все, чтобы поддерживать желаемую остроту и интенсивность этих наслаждений. А потом человеку становится все труднее и труднее получить удовлетворение от этих наслаждений. Он посвятил себя жизни, которая заканчивается страданием.

А потом, в *ст. 14* Петр употребляет необычную фразу, которая не поддается переводу. В Библии это место переведено так: "Глаза у них преисполнены любострастия"; греческий текст буквально звучит так: "У них глаза, которые всегда наполнены прелюбодейством". Вполне возможно, что значение этих слов сводится к тому, что эти люди в каждой женщине видят прелюбодействующую и помышляют о том, как бы совратить ее ко греху для удовлетворения своей похоти, "Рука и глаза, - гласит иудейская пословица, - посредники в грехе". Как сказал Иисус, мужчины, смотрящие на женщину с вожделением, уже прелюбодествуют с ней (*Мат. 5,28*). Просто они уже дошли до такого состояния, что смотрят на всякую женщину с вожделением.

Петр говорит о страшной преднамеренности всех их поступков. Сердце их приучено к любостражанию. В Библии словом *любостражание* переведено греческое *плеонксия*, что значит "хотеть все больше и больше того, чего человек не имеет даже права хотеть, уже не говоря о том, чтобы иметь". Греческое слово, переведенное в Библии как *приучено*, употребляется по отношению к атлету, усиленно готовящемуся к соревнованиям. Эти люди уже подлинно натренировали свой ум сосредотачиваться исключительно на запретных желаниях. Они умышленно боролись со своей совестью, пока, наконец, не разрушили ее, сознательно боролись со своими лучшими чувствами, пока не задушили их.

Но в этом отрывке есть еще одно обвинение: уже достаточно плохо, что эти люди обманывают себя, но еще хуже, что они обманывают других. Они прельщают еще не утвержденные в вере души. Для *прельщать* в греческом тексте стоит слово *демадзейн*, что значит *ловить на приманку*. Человек становится окончательно безнравственным, если делает других такими же плохими, как он сам. Как говорится в гимне:

"Все зло, что мы сделали,

Все запретное, что мы искали,

Все грехи, которым мы других учили:

Прости, Господь, ради Христа".

Каждый должен нести ответственность за свои грехи, но если прибавить к ним ответственность за грехи других, то бремя станет невыносимым.

15-16

Дурной путь (2 Пет. 2,15.16)

Петр сравнивает безнравственных людей своего времени с пророком Валаамом. В представлении простых иудеев Валаам стал символом лжепророка.

История о Валааме рассказана в *Числ. 22-24*. Валак, царь моавитский, встревоженный непрерывным, и, по-видимому, неотразимым продвижением иудеев, послал за Валаамом, чтобы тот пришел и проклял иудеев в попытке остановить их, пообещав Валааму большое вознаграждение. Валаам отказался проклинать иудеев, но его завистливое сердце очень желало получить вознаграждение, предложенное ему Валаком. Валаам еще довольно долго пытался удовлетворить его требование. В пути ослица Валаама остановилась и стала укорять его, потому что увидела стоящего на дороге Ангела Господня.

Валаам, правда, не поддался на подкуп Валака, но, если когда-нибудь кто-то и хотел взять взятку, так это был Валаам. В *Числ. 25* приводится другая история, в которой рассказывается о том, как Валаам совратил иудеев к идолопоклонству и к распутству с мадианитянками. Иудеи считали, что ответственность за соращение детей Израиля лежала на Валааме и когда Израиль овладел землей, "Валаама, сына Восорова, убили мечом" (*Числ. 31,8*). Вследствие всего этого Валаам стал символом лжепророка. Он отмечается двумя чертами характера, которые были свойственны и безнравственным людям эпохи Петра.

1. Валаам был *жаден*. Как видно из истории, изложенной в книге Чисел, у Валаама руки чесались на золото Валака. Он, правда, не взял его, но он жаждал взять его. Безнравственные люди эпохи Петра были жадными: они всегда были готовы взять все, что могли получить, и использовали в корыстных целях свою принадлежность к христианской Церкви.

2. Валаам *учил Израиль грешить*. Он уводил людей с прямой дороги на окольные пути, он убеждал их забыть свои обещания Богу. Безнравственные люди эпохи Петра совращали христиан с христианского пути и побуждали их нарушить данные ими Иисусу Христу клятвы верности. Стяжатели и совращающие других к пороку прокляты навечно.

17-22

Опасность отступничества (2 Пет. 2,17-22)

Петр продолжает бичевать безнравственных людей. Они льстят, чтобы обмануть.

Они - как безводные источники, как легкий туман, гонимые шквалом ветра. Они все равно, как если путнику скажут, что впереди есть колодец, где он может утолить жажду, а найдет он лишь высохший и бесполезный колодец; или если земледelec молится о дожде для своей сожженной нивы, а потом видит, как ветер бессмысленно уносит дождевую тучу. Как сказал кто-то: "Учитель без знаний подобен колодцу без воды". Такие люди подобны мильтоновским пастырям, на которых "голодные овцы смотрят и не получают пищу". Они обещают благовествование, а потом ничего не могут дать жаждущей душе.

Их учение представляет собой сочетание высокомерия и тщеславия. Христианская свобода чревата опасностью: Павел говорит в одном из посланий, что христиане действительно призваны к свободе, но они не должны пользоваться ею как поводом, к угождению плоти (*Гал. 5,13*). Петр тоже говорит своим читателям, что они действительно свободны, но что они не должны использовать эту свободу для прикрытия зла (*1 Пет. 2,16*). А лжеучителя предлагали людям свободу, но это была свобода грешить, сколько человеку угодно. Они взывали не к лучшему в человеке, а к худшему. Петр совершенно ясно видит, что причина заключается в том, что они были рабами своей похоти. Римский философ-стоик Сенека

говорил: "Самое худшее рабство - быть рабом самого себя". Эти лжеучители, сами будучи рабами, предлагали другим свободу, и предлагаемая ими свобода была свободой стать рабами похоти. Их благовествование было *надменным* потому, что оно противоречило благовествованию Христову; оно было *тщетным*, потому что следовавшие ему становились рабами. И здесь в основе лежит ересь, делающая благодать оправданием греха, вместо силы и призыва к великодушию.

Если они уже познали правильный путь Христов, а потом отпали в такую ересь, то это еще хуже для них: они подобны человеку из притчи, для которого последнее хуже первого (*Мат. 12,45; Лук. 11,26*). Если человек никогда не знал правильного пути, его нельзя осуждать за то, что он не шел по нему, но если он знал его, а потом сознательно выбрал другой путь - он грешит против света, и было бы лучше, если бы он вовсе не знал истины, потому что знание истины стало его проклятием. Человек никогда не должен забывать связанной с знанием ответственности.

Петр заканчивает с презрением: безнравственные люди подобны псам, возвращающимся на свою блевотину (*Прит. 26,11*), или свинье, которая будучи вымыта, идет валяться в грязи. Эти люди видели Христа, но отпали и предпочитают валяться в гуще греха, нежели взбираться к вершинам добродетели. Это ужасное предостережение: человек может стать таким, что больше не может освободиться из уз греха, а добродетель потеряла для него всякую прелесть.

Глава 3

1-2

Принципы проповедования (2 Пет. 3,1.2)

В этом отрывке Петр изложил некоторые принципы проповедования.

1. Он считал важным принцип *повторения*. Он знает, что некоторые вещи надо повторять снова и снова, чтобы они дошли до умов людей. В *Фил. 3,1* Павел писал своим читателям, что повторять им одно и то же - для него не в тягость, а для них назидательно. Лишь многократным повторением закладывается в уме ребенка начатки знаний. И это имеет большое значение: часто мы жаждем чего-то нового, хотим сказать что-то новое, хотя собственно нужно лишь повторить вечные истины, которые люди так быстро забывают и значение которых они так часто отказываются понимать. Некоторые пищевые продукты никогда не надоедают человеку: они нужны для его питания и он получает их каждый день. Мы говорим о *хлебе насущном*. Есть и определенные христианские истины, которые нужно повторять вновь и вновь и которые никогда нельзя отодвигать на задний план в стремлении к новизне.

2. Он верил в *необходимость напоминания*. Из Нового Завета совершенно очевидно, что часто целью проповедования и наставничества является не введение новых истин, а напоминание человеку того, что он уже знает. Моффат приводит слова доктора Джонсона: "Не все понимают, что людям чаще нужно напоминать, чем информировать их". Древние греки говорили о "все стирающем времени", как будто мозг человека - это грифельная доска, а время - губка, проходящая через него и стирающая все. Как часто нам наставление в новом, а напоминание того, что мы уже знаем.

3. Он верил в *важность похвалы*. Петр хочет возбудить чистый смысл у своих читателей и слушателей. Петр употребляет греческое слово *эйликринес*, переведенное как *чистый*. Это слово может иметь два значения: во-первых, оно может значить нечто, в чем нет никакой примеси, или же то, что настолько безупречно, что его можно выставить напоказ на солнечный свет. Греческий философ Платон употребляет это же выражение - *эйликринес дианоиа* в значении чистый разум, разум, совершенно свободный от обольстительного влияния чувств. Петр употребляет это выражение обращаясь к своим слушателям, разум

которых не замутнен ересью. Он как бы говорит им: "Вы действительно прекрасные люди - если вы действительно будете помнить об этом". Проповедник чаще всего должен обращаться к своим слушателям как к прекрасным людям, заслуживающим спасения, а не как к никудышным людям, заслуживающим осуждения и проклятия. Они - не мусор и отрепье, которые нужно сжечь, а драгоценные камни, которые нужно поднять из грязи, в которую они упали. Д. Хенки рассказывал о "любимом капитане", команда которого была готова следовать за ним куда угодно; они горели желанием быть такими, какими он верил они являются. Мы всегда можем большего добиться от людей, если мы верим в них.

4. Петр верил в *единство Священного Писания*. Он видел в Писании определенную структуру и для него Библия была книгой, в центре которой стоит Христос. В Ветхом Завете предсказано явление Христа, в Евангелиях рассказано о жизни и свершениях Иисуса Христа, а апостолы доносят до людей благую весть Христа.

3-4

Отрицание второго пришествия (2 Пет. 3,3.4)

Больше всего Петра волновало отрицание еретиками Второго Пришествия Иисуса Христа. Они в буквальном смысле спрашивали: "где обетование пришествия Его?" Это иудейская формула, которая значит, что то, о чем спрашивают вовсе не существует. "Где Бог правосудия?" - вопрошали люди во времена пророка Малахии (*Мал. 2,17*). "Где Бог твой?" - спрашивали язычники у псалмопевца (*Пс. 41,4; 78,10*). "Где слово Господне?" - спрашивали у Иеремии враги его (*Иер. 17,15*). В каждом из этих случаев сам вопрос означает, что испрашиваемого не существует вовсе. Еретики эпохи Петра отрицали, что Иисус вообще может прийти когда-нибудь еще. Здесь будет лучше сперва сопоставить их доводы и ответ на них Петра.

Враги Петра выдвигали два довода (*ст. 4*). "Что случилось, - спрашивали они, - с обетованием Второго Пришествия?" Прежде всего они утверждали, что Второе Пришествие задержалось настолько, что якобы можно считать, что оно вообще никогда не состоится. Кроме того, они утверждали, что их отцы умерли, а мир продолжал оставаться таким же, каким он был всегда. Они утверждали, что этот мир, в сущности, неизменен, и такие грандиозные изменения, как Второе Пришествие, не могут происходить в таком мире. Петр дает двойной ответ: сперва он говорит о Втором Пришествии (*ст. 5-7*). Он утверждает, что этот мир вовсе не неизменен, что однажды он уже был уничтожен водой во времена потопа, а второе уничтожение - огнем - тоже скоро придет.

Вторая часть его ответа в *ст. 8 и 9*. Его противники заявляли, что Второе Пришествие задержалось настолько, что можно считать, что Его не будет вовсе, Петр дает на это двойной ответ: а) надо смотреть на время глазами Бога: для Него день - как тысяча лет, а тысяча лет - как один день. б) В любом случае задержку в действиях Бога следует относить не за счет Его медлительности, а за счет его милосердия; Он дает грешникам еще одну возможность покаяться и обрести спасение.

И Петр заканчивает свои доводы (*ст. 10*). Второе Пришествие близко и оно настает внезапно, сопровождаемое ужасом и разрушением, которые уничтожат мир в испепеляющем огне.

И, наконец, Петр указывает на стоящие в связи с этим перед людьми требования. Если мы живем в мире, в который снизойдет Иисус Христос и который стремительно несет порочных людей к гибели, нам, несомненно, надлежит жить в святости, чтобы мы могли спастись, когда наступит этот ужасный день. Второе Пришествие - это потрясающий стимул, побуждение к моральному возрождению, чтобы человек мог подготовиться к встрече с Богом.

Вот, такова, в общих чертах эта глава, а теперь рассмотрим ее по частям.

5-6

Разрушение мира во время потопа (2 Пет. 3,5.6)

Петр утверждает, что этот мир не был всегда стабильным: ведь древний мир был разрушен водой, точно так же, как наш мир будет разрушен огнем.

Петр говорит, что небеса и земля были составлены из воды и водою. По истории из книги Бытия сперва был какой - то водяной хаос, "дух Божий носился над водою... И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды" (*Быт. 1,2.6*). Из этого водяного хаоса был сотворен мир. далее, мир покоился воде, потому что жизнь поддерживается дождем, который идет с неба, Петр имеет ввиду, что мир был создан из воды и жизнь в нем поддерживается за счет воды, и что именно через нее был уничтожен древний мир.

И потому предостережение Петра могло звучать так: "Вы говорите, что все осталось таким, каким оно было раньше и что все останется так и в будущем. Вы строите свои надежды на том, что мир этот неизменен; вы ошибаетесь, потому что древний мир был сотворен из воды и жизнь в нем поддерживалась водою, но он погиб от потопа".

Человек, читающий историю открытыми глазами, может видеть в ней отношение Бога к людям и действующий во вселенной нравственный закон. Один крупный историк сказал, что история - это звучащий через столетия голос о том, что, в Конечном счете, порок наказан, а добро торжествует. История действительно учит, что во вселенной существует нравственный порядок, и что тот, кто оскверняет его, навлекает на себя опасность.

7

Разрушение огнем (2 Пет. 3,7)

Петр убежден в том, что точно так же, как древний мир был уничтожен водой, так и наш мир будет разрушен огнем; и он "содержится тем же Словом". Тем самым он хочет сказать, что в Ветхом Завете приведена история о потопе, имевшем место в прошлом, и содержится предупреждение о разрушении огнем в будущем. У пророков есть много мест, которые Петр мог процитировать буквально и которые, по-видимому, стояли перед его мысленным взором. Пророк Иоиль предвидел время, когда Бог покажет знамения: кровь и столпы дыма (*Иоил. 2,30*). И псалмопевец рисует картину, где перед Богом, когда Он грядет, огонь поедающий (*Пс. 49,3*). Пророк Исаия говорит о пламени всепожирающего огня (*Ис. 29,6; 30,30*). Господь придет в огне, с огнем и мечом Своим произведет Господь суд над всякою плотью (*Ис. 66,15.16*). У пророка Наума сказано, что "холмы тают и земля колеблется пред лицом Его; гнев Его разливается как огонь" (*Наум. 1,5.6*). В представлении пророка Малахии День Господень, как пылающая печь (*Мал. 4,1*). Если понимать эти древние картины буквально, то у Петра было достаточно оснований для такого пророчества.

У древних философов-стоиков тоже была теория о разрушении мира огнем, но в их представлении это было страшное событие. Они считали, что вселенная развивается по завершнным циклам, что она погибает в пламени и потом все начинается сначала и идет точно так же, как в прошлый раз. У них было странное представление о том, что в конце цикла планеты оказываются точно в том же положении, в котором они находились в начале мира. "Это вызывает большой пожар и разрушение всего существующего", - говорит греческий Философ Хризипп, главный систематизатор раннего стоицизма.

"После чего, - продолжает он, - вселенная вновь восстанавливается в том же порядке, как и раньше... Снова будут жить Сократ, Платон и каждый из людей с теми же самыми друзьями и согражданами. Они пройдут через те же переживания и будут делать то же самое. Будут восстановлены в прежнем виде каждый город, каждая деревня и каждое поле; и такое восстановление, такое превращение вселенной в прежнее состояние происходит вновь и вновь, и не только один раз - действительно целую вечность, у которой нет конца... Ибо никогда не будет ничего такого, чего бы не было раньше, а все повторяется вновь и вновь, точно в таком же до мельчайших деталей, виде".

История, как вечное беличье колесо, непрерывное повторение грехов, печалей и ошибок человеческих - это одно из самых ужасных представлений об истории, которые когда-либо приходили в голову людям.

Надо всегда помнить, что по представлению иудейских пророков и по представлению Петра, этот - мир будет уничтожен огнем Божиим, но результат этого будет не полное уничтожение и мрачное повторение того, что было раньше в результате возникнут новые небеса и новая земля. По библейскому представлению в мире есть нечто такое, что не будет уничтожено: это новое создание Божие.

8-9

Милосердие и долготерпение Божие (2 Пет. 3,8.9)

В этом отрывке заложены три великие истины, которые могут дать пищу уму и покой сердцу.

1. Время Бог отсчитывает не так, как человек. Как это выразил псалмопевец: "Пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи" (*Пс. 89,5*). Когда мы думаем о том, что земля существует сотни тысяч лет, легко почувствовать свою незначительность, а если подумать о медленности прогресса в этом мире, легко стать пессимистом. Утешительна мысль о Боге, у Которого есть целая вечность для работы. Лишь на фоне вечности приобретают вещи свои подлинные пропорции и свою подлинную ценность.

2. Из этого отрывка мы можем видеть, что на время всегда надо смотреть как на великую возможность. В представлении Петра годы, данные Богом миру - это еще одна возможность для людей раскаяться и обратиться к Нему. Каждый предоставленный нам день - это милосердный дар, это возможность сделать еще один шаг к Богу.

3. И, наконец, здесь нашла отражение истина, которая так часто лежит в основе новозаветного образа мыслей. Бог, говорит Петр, не желает чтобы кто-нибудь погиб. Бог, говорит Павел, заключил всех в непослушание, чтобы всех помиловать (*Рим. 11,32*). В *1 Тим. 2,4* есть потрясающая фраза о том, что Бог хочет, чтобы все люди спаслись. Пророк Иезекииль слышит, как Бог спрашивает: "Разве я хочу смерти беззаконника? Не того, чтобы он обратился от путей своих и был жив?" (*Иез. 18,23*).

Вновь и вновь вспыхивает в Писании яркий блеск великой надежды.

10

Страшный день (2 Пет. 3,10)

Человек неизбежно говорит и думает теми словами, которые у него есть; так поступает здесь и Петр: он говорит о Втором Пришествии Иисуса Христа, но он говорит о нем в ветхозаветных выражениях как о Дне Господнем. День Господень - это идея, проходящая через все книги пророков и через весь Ветхий Завет.

В представлении иудеев время делилось на два века - *век нынешний*, он очень плох и неисправим; и *век грядущий* - золотой век Божий. Как должен один перейти в другой? Это изменение не могло, по их представлению, быть результатом человеческих усилий или процесса развития, потому что мир идет к своей гибели. По представлению иудеев это могло произойти только одним путем: через непосредственное вмешательство Бога. Время, когда Бог непосредственно вмешается в историю, они называли Днем Господним, он должен был наступить внезапно, без всякого предупреждения; он должен был поколебать устои всего мира, поколебать его до основания; тогда должен произойти суд над грешниками и их истребление и потому это должен был быть страшный день.

"Вот приходит день Господа лютый, с гневом и пылающей яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее" (*Ис. 13,9*). "Наступит день Господень, ибо он

близок - день тьмы и мрака, день облачный и туманный" (*Иоил. 2,1.2*). "День гнева - день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы" (*Соф. 1,15*). "Солнце превратится во тьму и луна в кровь, прежде чем наступит день Господень" (*Иоил. Я,31*). "Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим... Для сего потрясу небо и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Своего в день пылающего гнева Его" (*Ис. 13,10-13*).

Петр и другие новозаветные авторы, собственно, сопоставили и отождествили ветхозаветные картины Дня Господня с новозаветной идеей о Втором Пришествии Иисуса Христа. Петр рисует картину Второго Пришествия Иисуса Христа терминами, взятыми из описания ветхозаветного Дня Господня.

Он употребляет при этом очень сильное выражение. Он говорит, что небеса с *шумом* *прейдут*, в греческом это *ройдзедон*. Это слово греки употребляли для обозначения шума, создаваемого летящей в воздухе стрелой, шума потрескивающего лесного костра.

Не следует понимать эти картины в буквальном смысле, достаточно обратить внимание на то, что Петр видит во Втором Пришествии страшное время для врагов Христа. Следует запомнить вот что: идея Второго Пришествия вообще изобилует трудными местами, но совершенно очевидно, что однажды Бог вмешивается в жизнь каждого, потому что приходит день его смерти, и к этому дню мы должны быть готовы.

11-14

Нравственное состояние (2 Пет. 3,11-14)

Но Петр прежде всего заинтересован в том, чтобы его читатели стремились оставаться не оскверненными в ожидании Второго Пришествия. Если все это неизбежно должно произойти и мир стремится навстречу судному дню, то совершенно очевидно, что христианин должен вести благочестивый и святой образ жизни. Если впереди нас ждут новые небеса и новая земля, и если эти небеса и эта земля должны быть обителью праведности, то совершенно очевидно, что христианин должен всем своим умом и всем своим сердцем, и всеми своими силами стремиться к тому, чтобы войти в этот новый мир.

Петр был прав в этом. Если во Втором Пришествии, если там, куда идет все мироздание, нет ничего, то тогда, значит, жизнь не имеет никакой цели. Если у всего мироздания и в жизни каждого человека впереди нет ничего, кроме угасания и умирания, то совершенно неизбежно возникают определенные установки в жизни. Эти установки видны из языческих надгробных эпитафий.

1. Если за этой жизнью ничего не последует, то человек вполне может решать, как ему лучше нужно воспользоваться удовольствиями этого мира. И мы встречаем такие эпитафии: "Я был ничем, я есть ничто, и потому, ты, живущий, ешь, пей и будь весел".

2. Если у человека нет цели жизни, он может стать совершенно безразличным ко всему. Все теряет всякое значение, если конец всего - угасание, которое человек даже не может осознать; и вот мы встречаем такие эпитафии: "Когда-то у меня не было бытия, и сейчас у меня нет его. Я этого не сознаю. Меня это не касается".

3. Если у жизни нет иной цели, кроме угасания, и мир идет в никуда, в жизнь человека может вкрасться чувство затерянности в этом мире. Человек больше не странник, потому что ему некуда странствовать; он может просто плыть по течению, из никуда в никуда, и потому мы встречаем эпитафии вроде этой эпитафии греческого поэта Каллимаха:

- Харидант, что там, скажи под землей?
- Очень темно тут.
- А есть ли пути, выводящие ввысь"?

- Нет, это ложь.
- А Плутон?
- Сказка.
- О, горе же нам!

Даже язычники чувствовали почти совершенную безысходность жизни, у которой нет цели.

Освободив идею о Втором Пришествии от всей этой преходящей образности, мы видим за ней величественную истину о том, что жизнь идет в определенном направлении - а без этого чувства и жить не для чего.

Приближения дня (2 Пет. 3,11-14 (продолжение))

Но в этом отрывке заключена еще одна великая идея. Петр говорит о том, что христиане не только страстно ждут наступления этого дня, но и, собственно, торопят его приближение. В Новом Завете указано несколько способов, которыми можно достичь этого.

1. Это можно сделать *молитвой*. Иисус научил нас молиться: "Да придет Царствие Твое" (*Мат. 6,10*). Страстная мольба христиан ускоряет и приближает пришествие Царя; молящийся открывает сердце свое, чтобы Царь мог войти в него.

2. Это можно сделать *проповедованием*. Матфей повествует о том, что Иисус сказал: "И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец" (*Мат. 24,14*). Все люди должны получить возможность узнать Иисуса Христа и полюбить Его, прежде чем творение достигнет своего конца: миссионерская деятельность Церкви приближает пришествие Царя.

3. Этого можно добиться *раскаянием и послушанием*. Эти две вещи ближе всего сердцу Петра. У раввинов были две поговорки: "Это грехи людей препятствуют пришествию Мессии. Мессия пришел бы, если бы иудеи искренно раскаивались один день". Другая поговорка гласит то же самое: "Мессия пришел бы, если бы Израиль один день в совершенстве исполнил закон". В искреннем раскаянии и подлинном послушании человек открывает сердце приходу Христа и приближает Его пришествие во всем мире. Помните, что холодность наших сердец и наше непослушание задерживают пришествие Царя.

15-16

Извращение Писания (2 Пет. 3,15.16)

Петр указывает здесь на то, что Павел проповедует то же учение, что и он сам. Может быть он приводит Павла в подтверждение того, что для приближения Второго Пришествия Господа необходимо вести благочестивую и святую жизнь, но более вероятно, что он приводит Павла в подтверждение того факта, что Бог воздерживается от непосредственного вмешательства не потому, что Он беспристрастен, а для того, чтобы дать людям возможность раскаяться и принять Иисуса Христа. Павел говорит о тех, кто пренебрегает богатствами благодати, кротости и долготерпения Божия, забывая, что благодать Божия ведет их к покаянию (*Рим. 2,4*). Павел неоднократно подчеркивает терпение и долготерпение Божий (*Рим. 3,25; 9,22*). Петр и Павел были едины в том, что никто не может ссылаться, в оправдание своей грешной жизни, на то, что Бог воздерживается от непосредственного вмешательства в историю; люди должны воспользоваться этим для того, чтобы раскаяться и измениться.

Упоминание в этом отрывке Павла и легкая критика в его адрес делают этот отрывок одним из самых интенсивных во всем Новом Завете. Именно этот отрывок убедил Кальвина в том, что не сам Петр написал Второе послание Петра, ибо, говорил Кальвин, Петр никогда не стал бы так говорить о Павле. Что мы узнаем из этого⁹

1. Отсюда мы узнаем, что в то время послания Павла были известны и использовались во

всей Церкви. О них говорится так, что становится совершенно ясно, что они были собраны и опубликованы, что их можно было получить и что их широко читали. Мы вполне уверены в том, что послания Павла были около 90 г. собраны и опубликованы в Ефесе, и, совершенно очевидно, Второе послание Петра не могло быть написано до того, и, потому, не могло быть написано Петром, который погиб мученической смертью в середине 66 гг. первого столетия.

2. Из этого мы узнаем, что на послания Павла стали смотреть как на Писание. Заблудшие люди извращали их как и все остальное Писание. Это опять же подтверждает соображение о том, что Второе послание Петра появилось уже в эпоху вполне развитой Церкви, ибо для того, чтобы послания Павла были поставлены наравне с Писаниям Ветхого Завета должна была пройти жизнь не одного поколения.

3. Из этого отрывка трудно сказать точно, каково же отношение автора к самому Павлу. Автор пишет: "по данной ему премудрости", а эти слова можно понимать и как похвалу, и как предостережение! Дело в том, что Павла постигла судьба всех выдающихся людей: у него были и критики. Его постигла судьба тех, кто бесстрашно смотрит правде в глаза и бесстрашно говорит ее. Иные считали его великим, но опасным человеком.

4. В Павловых посланиях встречаются трудные для понимания места, которые невежественные люди могут во вред себе исказить. *Неудобовразумительное*, в греческом это слово *δυσνόητος*, которым характеризовали изречения оракулов. Изречения греческих оракулов всегда носили двусмысленный характер. Есть такой классический пример: один царь собравшись пойти войной против своих врагов, спросил совета у дельфийского оракула, и получил такой ответ: "Если ты пойдешь в поход, ты разрушишь великое царство". Царь истолковал это пророчество как предсказание того, что он разрушит царство своего врага, но случилось так, что сам он был наголову разбит и в результате погибло его царство. Вот один из типичных примеров двусмысленного *δυσνόητος* пророчества древних оракулов. И вот этим именно словом Петр характеризует послания Павла. В них есть места, которые так же трудно истолковать, как и двусмысленные изречения оракулов.

Но, говорит Петр, в посланиях Павла есть не только нечто неудобовразумительное, в них есть такие места, которые невежды могут исказить и навлечь на себя гибель. Сразу же приходят на ум три проблемы: Павлова идея о *благодати* была извращена и обращена в оправдание и даже в повод для греха (*Рим. 6*); Павлова идея о христианской *свободе* была обращена в оправдание *угождения плоти* (*Гал. 5,13*);

5. Павлова идея веры была обращена в аргумент в пользу того, что христианские дела не имеют никакого значения (*Иак. 2,14-26*).

Английский писатель Честертон сказал, что ортодоксальность - это хождение по узкому гребню: один шаг в ту или другую сторону ведет к гибели. Иисус - Бог и человек; Бог - любовь и святость; христианство - это благодать и нравственность; христианин живет в этом мире и в мире вечности. Стоит придать чрезмерное значение одной из сторон этой двойной истины и вы сразу же впадаете в губительную ересь. Трагичнее всего, когда человек обращает христианскую истину и Священное Писание в оправдание и даже в повод для того, чтобы делать то, что ему хочется вместо того, чтобы принять и как руководство и делать то, чего ждет от него Бог.

17-18

Прочная основа и непрерывный рост (2 Пет. 3,17.18)

В заключение Петр излагает некоторые аспекты христианской жизни.

1. Христианин - это человек, получивший предостережение, то есть он не может ссылаться на незнание; он знает праведный путь и он знает, какая награда ждет его впереди, он не может рассчитывать на то, что путь будет легким, потому что ему было сказано, что христианство - это крест, и его предупредили о том, что всегда найдутся люди, готовые

нападать на веру и извращать ее. Получить предостережение - значит получить необходимое для защиты боевое снаряжение, но получить предостережение - это также и огромная ответственность, ибо тот, кто знает, что правильно, а делает плохо, будет осужден вдвойне.

2. У христианина есть основа для жизни. Он должен вращать в веру и опираться на нее. Он абсолютно уверен в некоторых вещах. Один человек сказал однажды, что его ум не постель, которую надо разбирать и складывать, некоторые вещи в его уме уложены окончательно. Христианская жизнь отличается определенностью. В ней есть определенная неизменная основа веры. Христианин никогда не перестанет верить в то, что "Господь - Иисус Христос" (*Фил. 2, 11*), и он всегда будет помнить, что на него возложена ответственность стремиться привести свою жизнь соответствие со своей верой.

3. Христианин - это человек, жизнь которого совершенствуется. Некоторая негибкость христианской жизни не имеет ничего общего с окостенелостью смерти. Христианин должен каждый день ощущать на себе чудо благодати и каждый день вращать в дары, которые может дать благодать; и он должен каждый день проникать все глубже и глубже в чудо, которое он обрел в Иисусе Христе. Большое здание может возноситься высоко в небо, если оно стоит на прочном основании; а большое дерево может вырасти своими ветвями до неба только тогда, когда у него есть глубокие корни. Христианская жизнь имеет прочное основание и она всегда растет все выше и выше.

Послание заканчивается славословием Богу и ныне и в день вечный.